Украденный сон

Автор:
Александра Маринина

Украденный сон

Александра Маринина

Каменская #3

Выстрелы прозвучали одновременно. Ларцев рухнул как подкошенный, а Олег стал медленно оседать, привалившись к дверному косяку. Наталья Евгеньевна едва успела осознать случившееся, как раздался звонок в дверь. Послышались голоса: «Откройте, милиция!» Почему они здесь? Неужели Олежка? Где-то ошибся, прокололся, заставил себя подозревать и притащил за собой «хвост»? Олежка, сынок, как же ты так! Ей хотелось кричать. Она слишком часто видела смерть и как врач, и как охотница. Олег был мертв, никаких сомнений.

Александра Маринина

Украденный сон

Глава первая

– Стоп, стоп! Остановились! Пока все плохо.

Помощник режиссера Гриневич раздраженно хлопнул в ладоши и повернулся к молодой женщине, сидящей рядом.

– Видишь? – жалобно сказал он. – Эти красавицы не в состоянии сделать простейшие вещи. Порой я прихожу в отчаяние, мне кажется, что у меня ничего с этим спектаклем не получится. Какой бы образ они ни создавали, каждая старается, чтобы ее достоинства были непременно всем видны. Лариса!

Высокая стройная девушка в темном трико подошла к краю сцены и грациозно села, свесив одну ногу и подтянув к груди другую.

– Лариса, ты кто? – требовательно начал Гриневич. – Ты играешь роль собаки-метиса, она – плод запретной любви фокстерьера и болонки. Ты должна быть игривой, дружелюбной, ласковой, немного суетливой. Но самое главное – ты должна быть мелкой. Мелкой, понимаешь? Короткий шаг, никаких широких жестов. А ты мне кого показываешь? Русскую борзую? Конечно, так тебе удобнее демонстрировать свою великолепную фигуру. Здесь, дорогая моя, не конкурс красоты, твоя фигура здесь никому не нужна. Я хочу видеть маленькую беспородную собачку, а не твой волнующий бюст. Ясно?

Лариса слушала помощника режиссера, нахмурившись и покачивая изящной ножкой.

– Если у меня есть грудь, так что мне теперь, отрезать ее, чтобы сыграть эту собаку? – резко бросила она.

– Хочешь, я скажу тебе, что нужно сделать? – миролюбиво ответил Гриневич. – Перестань собой любоваться, вот и весь секрет. Иди работай.

Ира!

Лариса медленно поднялась и ушла в глубь сцены. Все, что она в тот момент думала о помреже Геннадии Гриневиче, было огненными буквами написано на ее красивой спине, а знаки препинания в этой нелицеприятной тираде четко обозначились вызывающими движениями округлых бедер и точеных плеч. Общий смысл сводился к тому, что некоторым, не будем указывать пальцем, кому именно, очень легко давать советы не любоваться собой, если сами они – чуть лучше обезьяны.

Очередная жертва критики Гриневича спрыгнула со сцены и оперлась на нее спиной.

– Что, Гена, у меня тоже плохо? – огорченно спросила она.

– Ирочка, родненькая, ты в жизни очень добрая девушка.

Это, бесспорно, твое достоинство, за это мы все тебя любим. А играешь ты невероятно стервозную суку-добермана. И когда ты своими собачьими методами выясняешь отношения с другими персонажами, то тебе неловко. Ты все время остаешься Ирочкой Федуловой, и тебе стыдно за свою собаку, которая ведет себя грубо и несправедливо. Тебе жалко всех тех, кого она обижает, и это очень заметно. Убери свой характер, ладно? Вышла на сцену – забудь, какая ты в жизни, забудь, чему тебя папа с мамой учили. Ты в этой собачьей компании – вор в законе, ты самая сильная, ты укрепляешь и поддерживаешь свой авторитет и свою власть. Ты – первостатейная стерва, и не смей этого стесняться. Не пытайся сделать свою героиню лучше, чем задумал автор. Договорились?

Ира молча поднялась на сцену, а Гриневич снова обратился к своей собеседнице.

– Как ты думаешь, Анастасия, может, зря я все это затеял?

Еще в театральном институте у меня была мечта сделать спектакль из жизни собак. Я бредил этой идеей, болел ею. Наконец нашел автора, уговорил его попробовать написать пьесу, потом чуть ли не в ногах у него валялся, чтобы он ее переделывал, чтобы она стала такой, как мне хотелось.

Потом режиссера уламывал, чтобы он согласился ставить спектакль. Столько лет, столько сил потрачено. А в результате оказывается, что молодые актеры не умеют сыграть то, что нужно.

– Так уж и не умеют? – недоверчиво переспросила Анастасия Каменская, внимательно наблюдавшая за актерами с самого начала репетиции. – Я понимаю, что тебя беспокоит, но этому нельзя научиться, это нужно только понять на собственном опыте. Здесь не поможет ни режиссер, ни педагог. Их надо научить переставать любить себя, свою внешность, свою индивидуальность, но не забывай, Геночка, что вообще-то это противоестественно.

Если бы ты взял на себя труд почитать книги по психиатрии и психоанализу, ты бы узнал, что полное отрицание собственных достоинств и собственной ценности – признак нездоровой психики. Нормальный здоровый человек должен любить себя и уважать. Не до эгоцентризма, конечно, но в разумных пределах. Ты хочешь, чтобы вне сцены актеры были личностями, со всеми своими достоинствами и комплексами, а сделав шаг из-за кулис на сцену, тут же теряли бы внутренний стержень и превращались бы в глину, из которой что вылепишь, то и получишь. Ты ведь этого добиваешься? Я тебе советую пригласить в труппу психолога.

– Ну… пожалуй, да… ты, наверное, права, – неуверенно пробормотал Гриневич, который, слушая Настю, не переставал наблюдать за актерами на сцене. – Хотя я не уверен, что с точки зрения актерского мастерства это правильно. Виктор! Сергадеев! Иди сюда!

Огромный мускулистый парень, игравший черного лабрадора-ретривера, спустился к первому ряду и, тяжело плюхнувшись в кресло, начал вытирать полотенцем лицо и шею.

– Чего, Ген? – чуть задыхаясь, произнес он. – Опять не так?

– Не так. Я не понимаю, почему у тебя не получается сцена с хромым пуделем. Тебе что-нибудь мешает?

Виктор пожал могучими плечами, блестевшими от пота.

– Не знаю. Понять не могу. Я – молодой, глупый, а пудель – старый и хромой. Я не понимаю, что моложе и сильнее, и гоняю его по всей сцене, будто он мне ровня. А он гордый и не хочет показывать, что ему тяжело со мной играть. Только когда он падает без сил, я должен догадаться и устыдиться. Правильно?

– Правильно. Так что тебе мешает? Не знаешь, как показать, что тебе стыдно?

– Не в этом дело. Просто мне не стыдно. Понимаешь, Шурик так легко бегает по сцене, что, когда он падает замертво, его почему-то совсем не жалко.

Игравший хромого старого пуделя Шурик действительно был мастером спорта по легкой атлетике, бегал легко и красиво, а когда падал и неподвижно замирал, это воспринималось как притворство и розыгрыш.

Гриневич взглянул на Анастасию полными отчаяния глазами.

– Опять двадцать пять! И здесь то же самое.

Настя не была актрисой и по роду своей деятельности не имела с театром ничего общего. С Геной Гриневичем она жила когда-то в одном доме, на одной лестничной площадке, и с тех пор, как он начал работать в театре, регулярно, три-четыре раза в год, приходила к нему на репетиции. Приходила с одной-единственной целью: смотреть и учиться, как при помощи мельчайших пластических и мимических нюансов лепятся самые разные образы. Гриневич против этих визитов не возражал, напротив, бывал очень доволен, когда давняя подруга приходила к нему в театр. Маленький, лысоватый, с лицом уродливого, но смешливого тролля, Геннадий много лет был тайно влюблен в Настю Каменскую и ужасно гордился тем, что до сих пор никто об этом не догадался, в том числе и сама Настя.

– У меня тут все сплошь Мадонны и Ван Даммы, – продолжал раздраженно ворчать он. – Красавиц и спортсменов любят в себе больше, чем актерскую профессию и театр. Как же, столько лет упорного труда, тренировок, пота, режима, диеты – жалко, если никто этого не увидит и не оценит. Перерыв – полчаса! – громко крикнул он.

Гриневич и Настя пошли в буфет и взяли по чашке невкусного, чуть теплого кофе.

– Как ты живешь, Настюша? Как дома, на работе?

– Все то же самое. Мама в Швеции, папа преподает, на пенсию пока не собирается. Одни люди убивают других и почему-то не хотят, чтобы их за это наказывали. Ничего нового в жизни не происходит.

Гриневич легко погладил Настю по руке.

– Устала?

– Очень, – кивнула она, не поднимая глаз от чашки.

– Может, тебе твоя работа надоела?

– Ты что! – Настя вскинула глаза и укоризненно взглянула на помрежа.

– Что ты такое говоришь! Я ужасно устаю от своей работы, в ней мною грязи, в прямом и переносном смысле, но я ее люблю. Ты же знаешь, Гена, я много чего умею, я могла бы даже переводчицей зарабатывать намного больше, не говоря уж о репетиторстве. Но я ничем не хочу заниматься, кроме своей работы.

– Замуж не вышла?

– Дежурный вопрос! – засмеялась Настя. – Ты мне задаешь его каждый раз, когда мы встречаемся.

– А ответ?

– Тоже дежурный. Я же сказала: ничего нового в моей жизни не происходит.

– Но у тебя есть кто-нибудь?

– Конечно. Все тот же Леша Чистяков. Тоже дежурный.

Гриневич отставил чашку и внимательно посмотрел на Настю.

– Послушай, тебе не кажется, что ты просто соскучилась в своей однообразной жизни? Ты мне сегодня совсем не нравишься. Я впервые вижу тебя такой, а ведь я знаю тебя… дай Бог памяти…

– Двадцать четыре года, – подсказала Настя. – Когда вы переехали в наш дом, мне было девять, а тебе – четырнадцать. Тебя как раз должны были в комсомол принимать, но из-за переезда тебе пришлось перейти в другую школу, а там сказали, что ты для них человек новый и рекомендовать тебя в комсомол они не

могут. Так что всех приняли в восьмом классе, а тебя – в девятом. Ты тогда ужасно переживал.

– Откуда ты знаешь? – изумился Геннадий. – Мы же с тобой тогда не общались, ты для меня совсем малявка была. Я точно помню, мы с тобой подружились, когда наши родители купили нам с тобой одинаковых щенков, из одного помета. А до этого я, по-моему, даже в квартире у вас не бывал.

– Зато твои предки бывали. И все про тебя рассказывали. И про комсомол, и про девочку из десятого класса, и про контрольную по физике.

– Про какую контрольную? – недоуменно спросил помреж.

– Которую ты писать не хотел. Принял горячий душ, вымыл голову и вышел в одной пижаме босиком на заснеженный балкон, а было это в феврале.

Там тебя родители и застукали.

– И что было?

– А ничего. Здоровье у тебя могучее, так что контрольную пришлось писать.

– Ну ты подумай! – расхохотался от души Гриневич. – Я ведь совершенно этого не помню. Ты, случаем, не врешь?

– Не вру. Ты же знаешь, у меня память хорошая. А насчет того, что мне скучно от однообразия жизни, тут ты не прав. Мне никогда не бывает скучно. Всегда есть о чем подумать, даже при однообразной жизни.

– И все-таки ты какая-то кислая, Настасья. Обидел кто?

– Это пройдет, – она грустно улыбнулась. – Усталость, магнитные бури, парад планет… Все пройдет.

Что может быть нелепее отпуска в ноябре? В снежные месяцы можно кататься на лыжах, в марте и апреле живительное солнце курортов Кавказских Минеральных Вод вольет силы в ослабевшие от зимнего авитаминоза тела, про

отпуск с мая по август и вовсе говорить нечего, сентябрь и октябрь – бархатный сезон на побережьях теплых южных морей, а что делать с ноябрем? Ноябрь – самый безрадостный месяц, когда золотая прелесть осени уже исчезла и неотвратимость долгих темных холодных дней становится до боли очевидной. Ноябрь – самый тоскливый месяц, ибо дождь и грязь, в марте и апреле выступающие предвестниками тепла и удовольствия, в предзимний период навевают тоску и уныние. Нет, ни один разумный человек не будет уходить в отпуск в ноябре.

Старший оперуполномоченный уголовного розыска ГУВД Москвы майор милиции Анастасия Павловна Каменская, тридцати трех лет, образование высшее юридическое, была человеком весьма и весьма здравомыслящим. И тем не менее в отпуске она оказалась именно в ноябре.

Конечно, задумывался этот осенний отпуск совсем по-другому. Настя впервые в жизни поехала в санаторий, причем санаторий очень дорогой и с прекрасным обслуживанием и лечением. Но через две недели она оттуда уехала, потому что случилось в этом санатории убийство, в связи с чем ей пришлось вступить в сложные и запутанные отношения сначала с местным уголовным розыском, потом с местной мафией. А когда убийство, на первый взгляд ничем не выдающееся, раскрыли, то за ним потянулась такая цепь чудовищных преступлений, что Настя поспешно покинула гостеприимный санаторий, не дожидаясь ареста главных фигурантов, с которыми она оказалась хорошо знакома. В итоге – ноябрь, отпуск, испорченное настроение, отвратительное самочувствие, одним словом, все тридцать три удовольствия.

Выйдя из театра, Настя не спеша пошла по проспекту в сторону метро, пытаясь успеть до посадки в вагон решить, куда ехать: к себе домой или к отчиму. Решение принять она успела, но весьма своеобразное: она поехала на работу. Зачем – и сама не знала.

Настин начальник Виктор Алексеевич Гордеев, как ни странно, оказался на месте, поэтому ее бредовому замыслу суждено было сбыться. Не оказалось бы Гордеева в кабинете – как знать, чем бы все обернулось. Но Виктор Алексеевич восседал за своим столом и сосредоточенно грыз дужку очков, что являлось признаком глубоких размышлений.

– Виктор Алексеевич, отзовите меня из отпуска, – попросила Настя Каменская, не тратя слов попусту. Она уже виделась с начальником после возвращения из

санатория, и он был полностью в курсе ее неудачной эпопеи с отдыхом и лечением. Кроме того, Гордеев любил Настю, ценил ее и понимал, может быть, как никто другой.

– Что, Стасенька, тошно тебе? – сочувственно спросил он.

Настя молча кивнула.

– Ладно, считай, ты с сегодняшнего дня на работе. Иди к Мише Доценко, возьми у него материалы по трупу Ереминой.

И напомни мне, чтобы я бумажку в отдел кадров написал насчет твоего отпуска. Не забудь только, а то дни пропадут. Мало ли когда пригодятся.

Взяв у Доценко материалы, Настя заперлась в своем кабинете и начала их читать. Дело было возбуждено по факту обнаружения трупа молодой женщины. Никаких документов или чего-либо еще, позволяющего установить ее личность, при погибшей не обнаружено. Смерть наступила от удушения примерно за 4-5 дней до того, как тело осматривал эксперт. Для установления личности убитой были подняты все заявления о розыске молодых женщин, ушедших из дома и по неизвестным причинам не вернувшихся. Из этих заявлений были отобраны те, в которых указывалось, что пропавшая была брюнеткой с длинными волосами, рост 168—173 см. Подходящих заявлений оказалось четырнадцать, заявителей пригласили для опознания трупа, и девятый по счету опознававший сказал, что погибшая – Виктория Еремина, двадцати шести лет, работала секретарем в фирме, которую он возглавляет. Заявление о розыске подавал тоже он, так как Вика сирота, воспитывалась в детдоме, ни мужа, ни родственников у нее нет. В этом случае розыскное дело было заведено по официальному запросу с места работы.

Далее из материалов следовало, что Виктория Еремина в понедельник, 25 октября, не вышла на работу. Никого это, однако, всерьез не обеспокоило: все знали, что Вика любит выпить и частенько ударяется в загулы, после которых может и на работу не выйти. Когда она не появилась на фирме и на следующий день, решили позвонить ей домой – не случилось ли чего. К телефону никто не подошел, из чего был сделан вывод о длительном запое. В среду, 27 октября, на фирму позвонил любовник Ереминой Борис Карташов с вопросом: где Вика? После того, как обзвонили Викиных подружек и побывали у нее дома (у

Карташова были ключи от ее квартиры), поняли, что дело неладно. Карташов помчался в милицию, но ему, как водится, ответили, что оснований для паники нет и надо бы еще денька три подождать: девица молодая, пьющая, семьей не обременена – наверняка сама объявится. На всякий случай предупредили, что от него, Карташова, заявление о розыске все равно не примут, нужен запрос с места работы.

Запрос такой поступил 1 ноября, а через день, 3 ноября, Вика Еремина была найдена убитой в лесу, в 75 километрах от Москвы по Савеловской дороге. Если верить заключению эксперта, смерть Ереминой наступила не раньше 30 октября. Иными словами, пока Борис Карташов метался в поисках своей возлюбленной, на работе пожимали плечами, а милиция старалась отфутболить от себя заявление о розыске, Виктория еще была жива, и если бы вовремя начали ее искать, может, успели бы найти до того, как ее убили.

Многих документов в Настином распоряжении не было; все документы, составленные после возбуждения уголовного дела, находились у следователя городской прокуратуры Константина Михайловича Ольшанского. В ее же руках были только копии материалов из розыскного дела, отражавших лишь ту информацию, которая была получена с момента заявления о розыске и до обнаружения трупа. Не густо, но и в таком небольшом количестве сведений надо было тщательно разобраться. В голове у Насти возникали все новые и новые вопросы.

Почему солидная фирма, которая платит своим сотрудникам часть зарплаты в долларах и имеет неплохую репутацию в деловых кругах, держит на работе недисциплинированную и пьющую секретаршу? Не может ли быть, что означенная секретарша шантажирует руководство фирмы, обеспечивая тем самым себе необременительную работу и стабильный валютный доход? И не это ли послужило причиной ее смерти?

Почему любовник погибшей кинулся ее искать только 27 октября, в среду, хотя, судя по информации, полученной от знакомых Вики, ее никто не видел и не слышал, начиная с субботы, 23 октября? В пятницу, 22 октября, Еремина была на работе, это подтверждают все сотрудники фирмы, в 17.00 рабочий день был официально окончен, и все собрались в небольшом банкетном зале для дружеского закрепления удачной сделки с иностранными партнерами. После «банкета» Вика уехала домой, ее повез в своей машине один из фирмачей. Довез он ее, судя по всему, вполне благополучно, потому что около одиннадцати

вечера в тот же день Вика разговаривала по телефону со своей приятельницей, договорилась с ней встретиться в воскресенье и никаких планов, связанных с возможным отъездом из Москвы, не строила. Была ли она в этот момент одна в квартире? Бизнесмен, отвозивший ее домой, утверждает, что он пытался напроситься на чашку кофе, но девушка сослалась на усталость и пообещала пригласить его в гости в следующий раз, с чем он и уехал, проводив даму до лифта и поцеловав ей ручку. Лжет или нет? Как проверить?

После 23 часов пятницы наступает полное молчание. Виктория Еремина никому из знакомых не звонит, не появляется в местах, где ее могут узнать, но и дома ее нет, так как на звонки по телефону она не отвечает. А если она все-таки была дома, но к телефону не подходила, то почему? И где она пропадала целую неделю, с 23 до 30 октября? Неужели была в таком глубоком запое, что никому не позвонила, ни на работу, ни любовнику?

Когда Настя «вынырнула» из своих размышлений и созерцания бумаг, было почти восемь вечера. Она позвонила по внутреннему телефону Гордееву.

– Виктор Алексеевич, кто занимается делом Ереминой?

– Ты.

Ответ был настолько неожиданным, что Настя чуть не выронила трубку.

За все годы, что она проработала в отделе у Гордеева, она занималась почти исключительно аналитической работой, но зато по всем делам, по которым работали гордеевские сыщики. Это они бегали, стаптывая ботинки и натирая мозоли, в поисках свидетелей и доказательств, это они осуществляли хитроумные операции, внедрялись в преступные группировки, участвовали в задержаниях опасных уголовников. Но всю информацию, добытую в таких вот бегах, они, подобно муравьям, добросовестно тащили в кабинет Каменской и, устало выдохнув, сваливали прямо у порога: Настасья сама разберется, что к чему, какой факт на какую полочку положить и какой ярлычок к нему приклеить; она сама оценит весомость каждого кусочка информации, надежность ее и достоверность, прикинет, нужна ли эта информация для какого-нибудь дела, по которому сейчас работают, или ее можно отложить "про запас", а если нужна, то можно ли ей доверять и как ее проверить. Настасья включит свой компьютер, который работает у нее не от электросети, а от кофе и сигарет, и завтра, ну, в

крайнем случае послезавтра расскажет, какие версии могут быть построены, кого нужно опросить, что еще в процессе такой беседы выяснить и т. д. Каждый месяц Настя изучала все дела об убийствах, тяжких телесных повреждениях и изнасилованиях и составляла для Гордеева аналитическую справку. Благодаря этим справкам Виктор Алексеевич видел не только типичные ошибки и промахи в раскрытии тяжких преступлений, но и новые и оригинальные методы и приемы сбора улик и изобличения виновных, а также, что было самым главным, все новое в совершении самих преступлений: организацию, способы и даже мотивы.

Задачей Анастасии Каменской была кропотливая аналитическая работа, и, спрашивая начальника о том, кто занимается делом об убийстве Виктории Ереминой, она готовилась услышать два-три имени своих коллег, с которыми она этим же вечером созвонилась бы. Она готова была услышать что угодно, только не "ты".

– Можно к вам зайти? – спросила она.

– Я позвоню, – коротко ответил Гордеев, из чего Настя поняла, что в кабинете у него кто-то был.

Когда она наконец дождалась приглашения и вошла в кабинет начальника, тот стоял, отвернувшись к окну и задумчиво постукивая по стеклу монеткой.

– Беда у нас, Стасенька, – произнес он, не оборачиваясь. – Кто-то из наших ребят нечестен. А может быть, их даже несколько. А может, и все.

Кроме тебя.

– Откуда вы знаете?

– Я твоего вопроса не слышал.

– А я его и не задавала. Я имею в виду: почему кроме меня? За что такое доверие?

– Это не доверие, а расчет. У тебя нет возможности быть нечестной, ты не работаешь непосредственно с людьми. Ты можешь оказаться недобросовестной,

но это не спасет того, кто даст тебе взятку. Пусть ты якобы не додумаешься до чего-то, не заметишь что-то важное, существенное для дела. Где гарантия, что опер, который ведет дело, тоже не додумается и не заметит? Нет, деточка, ты опасна тем, что делаешь. А бездействие твое, даже умышленное, роли не играет. Для взяткодателя ты не фигура.

– Ну, спасибо, – криво усмехнулась Настя. – Выходит, вы мне верите по расчету, а не по любви. Что ж, ладно.

Гордеев резко повернулся, и Настя увидела его лицо, искаженное такой болью, что ей стало неловко.

– Да, я верю тебе по расчету, а не по любви, – жестко сказал он. – И до тех пор, пока мы со своей бедой не справимся, я должен забыть, какие вы все у меня хорошие и как я вас всех люблю. Мне непереносима мысль, что кто-то из вас двурушничает, потому что каждый из вас мне дорог и близок, потому что каждого я лично брал на работу, обучал, воспитывал.

Вы все – мои дети. Но я должен вычеркнуть все это из своей души и заниматься только расчетом, чтобы любовь или просто хорошее отношение не затмили мне свет и не застилали глаза. Уйдет беда – вернется любовь. Не раньше. Теперь о деле.

Виктор Алексеевич медленно отошел от окна и сел за стол.

Был он невысок ростом, широкоплеч, с выпирающим животиком, круглой, почти совсем лысой головой. Подчиненные любовно звали его Колобком, причем прозвище это накрепко приклеилось к Гордееву лет тридцать назад и бережно передавалось его коллегами, а потом и преступниками из поколения в поколение. Настя глядела на него и думала, что сейчас он совсем не соответствует своему ласковому прозвищу, сейчас он весь налит болью и свинцовой тяжестью.

– В свете того, что я тебе сказал, я никому не хочу поручать дело об убийстве Ереминой, кроме тебя. Поэтому я рад, что ты прерываешь отпуск.

Дело отвратительное, пахнет дурно аж за километр. Фирма, доллары, банкет, иностранные партнеры, красотка секретарша, которую находят задушенной и со

следами истязаний, какой-то богемный любовник – все это мне не нравится. Пока я не выясню, кто из наших берет деньги у преступников за нераскрытие убийств, делом Ереминой будешь заниматься ты. Если ты его не раскроешь, я, по крайней мере, буду уверен, что сделано все возможное.

Завтра с утра поезжай в горпрокуратуру к Ольшанскому, посмотри материалы дела и приступай.

– Виктор Алексеевич, я одна ничего не смогу сделать. Вы что, шутите?

Где это видано, чтобы по убийству работал один-единственный оперативник?

– Кто сказал, что ты будешь одна? Есть уголовный розыск ГУВД области, есть милиция по месту жительства Ереминой, где и завели розыскное дело.

Есть сотрудники нашего отдела, которым можно давать поручения через меня, не открывая карт. Соображай, крутись. Голова у тебя хорошая, а опыта пора набираться.

В этот день, 11 ноября, Настя Каменская, выйдя с работы в десятом часу вечера, решила поехать ночевать в квартиру родителей, которая находилась от Петровки, 38, гораздо ближе, чем ее собственное жилье. Заодно она рассчитывала на вкусный горячий ужин, ибо ее отчим, Леонид Петрович, которого Настя за глаза называла просто Леней, был человеком, в отличие от нее самой, неленивым и хозяйственным, и длительная загранкомандировка жены, профессора Каменской, никак не повлияла ни на чистоту и порядок в квартире, ни на наличие в ежедневном меню питательных и хорошо приготовленных блюд.

Помимо ужина, Настя преследовала еще одну цель. Она решилась наконец на непростой и очень деликатный разговор с отчимом, которого, сколько себя помнила, называла папой и искренне любила. Начать разговор, однако, оказалось не легче, чем решиться на него в принципе. Настя оттягивала момент, медленно поглощая жаркое, потом тщательно заваривала чай, долго и методично мыла посуду, оттирая накипь с кастрюль и сковородок. Но Леонид Петрович знал падчерицу достаточно хорошо, чтобы понять, что пора прийти ей на помощь.

– Что тебя гложет, ребенок? Давай выкладывай.

– Папуля, тебе не кажется, что у нашей мамы в Швеции кто-то есть? – выпалила Настя, не глядя на отчима.

Леонид Петрович долго молчал, прохаживаясь по комнате, потом остановился и спокойно взглянул на нее.

– Кажется. Но еще мне кажется, что, во-первых, это не должно тебя касаться, а во-вторых, в этом нет никакой трагедии.

– То есть?

– Я объясню. Твоя мама рано вышла замуж, если ты помнишь, за своего одноклассника. Ей тогда только-только исполнилось восемнадцать. Они поженились, потому что должна была родиться ты. Этот брак был обречен с самого начала. Мама развелась с твоим отцом, когда тебе еще двух лет не было. Двадцатилетняя студентка с малышкой на руках! Пеленки, детские болезни, отличная учеба, аспирантура, кандидатская диссертация, собственное направление в науке, статьи, конференции, командировки, докторская диссертация, монографии… Не многовато ли для одной женщины? От меня помощи было мало, я работал в уголовном розыске, уходил рано, приходил поздно, а нас с тобой надо было кормить и обихаживать. Даже когда ты стала достаточно большой, чтобы помогать матери по дому, она не заставляла тебя ходить в магазин, чистить картошку и пылесосить ковры, потому что видела, с каким удовольствием ты читаешь и занимаешься математикой и иностранными языками, и считала, что дать ребенку возможность тренировать мозги куда важнее, чем приучать к ведению хозяйства. Ты когда-нибудь задумывалась о том, какую жизнь прожила твоя мать? Сейчас ей пятьдесят один год, она по-прежнему красавица, хотя один Бог знает, как ей при такой жизни удалось сохраниться. Когда ей предложили поработать в Швеции, она наконец-то получила возможность пожить спокойно и, если хочешь, красиво. Да-да, красиво, не морщись, пожалуйста, ничего зазорного в этом нет. Я знаю, ты расстроилась, когда мама согласилась продлить контракт и осталась за границей еще на год. Ты думаешь, что она нас с тобой не любит, о нас не скучает, и тебя это обижает. Настенька, ребенок мой дорогой, да она просто устала от нас. Мы ей немножко надоели. Конечно, в большей степени это относится ко мне. Но все равно, пусть она отдохнет от нас. Она это заслужила. И даже если у нее роман – пусть. Она и это заслужила. Я был ей всегда хорошим

мужем, но никудышным возлюбленным. Твоя мама уже лет двадцать не видела от меня ни цветов, ни внезапных подарков, я не мог предложить ей поездку в какое-нибудь интересное место, потому что свободное время у нас с ней практически никогда не совпадало. И если сейчас там, в Швеции, все это у нее есть – я рад. Она достойна этого.

– И что же, ты совсем не ревнуешь?

– Ну почему, ревную, конечно. Но в разумных пределах.

Видишь ли, мы с мамой очень дружны. Да, в наших отношениях нет романтики, но мы прожили вместе двадцать семь лет, так что сама понимаешь…

Мы друзья, а это в нашем возрасте намного важнее. Ты боишься, что наша семья развалится?

– Боюсь.

– Ну, что ж… Либо мама получит то, чего ей так недостает, и вернется домой, либо выйдет замуж в Швеции, разведясь со мной. Что изменится лично для тебя? Мамы не будет в Москве? Так ее и сейчас здесь нет, и совершенно непонятно, когда она захочет вернуться. И потом, положа руку на сердце, признайся: неужели ты так сильно нуждаешься в мамином присутствии? Прости, ребенок, я знаю тебя так давно, что имею право кое-что сказать. Тебе не так уж и нужно, чтобы мама жила в Москве, просто тебя задевает, что она готова жить вдали от тебя. А что касается нас с тобой, то ты же не перестанешь приходить ко мне только потому, что я больше не являюсь мужем твоей матери, верно?

– Конечно, папуля. Ты мне как родной отец. Я тебя очень, очень люблю, – грустно сказала Настя.

– И я люблю тебя, ребенок. А маму не осуждай. И меня, кстати, тоже.

– Я знаю, – кивнула Настя. – Ты меня с ней познакомишь?

– А надо? – засмеялся Леонид Петрович.

– Интересно же!

– Ладно, если интересно – познакомлю. Только дай слово, что не будешь расстраиваться.

Уснуть Насте удалось только ближе к утру. Она все пыталась осмыслить то, что услышала от своего начальника Гордеева. Милиция, купленная мафией, – не новость. Но до тех пор, пока это случалось с другими, в другом подразделении, в другом городе, это воспринималось как факт объективной реальности, с которым надо считаться и который следует принимать во внимание при анализе информации и принятии решений. А когда это случается рядом с тобой, в твоем отделе, с твоими друзьями, то из служебно-аналитической проблема становится нравственно-психологической, не имеющей однозначного решения. Как работать дальше? Как себя вести с коллегами? Кого подозревать? Всех? И тех, кого недолюбливаешь, и тех, кому симпатизируешь, и тех, к кому искренне привязана? И если заметишь что-то, вызывающее подозрение, в поведении кого-нибудь из сотрудников отдела, то что с этим делать? Бежать к Колобку доносить? Или таить в себе, внутренне зажмурившись и повторяя, что ничего такого не было? А может быть, самоустраниться, сказав себе, что предавать друзей нельзя, даже если они не правы, и пусть с ними разбираются враги? Тогда кто же здесь враг? Инспекция по личному составу? Или все-таки тот, кто оказывает услуги преступникам вопреки интересам правосудия? Господи, как много вопросов! И ни одного ответа…

Глава вторая

В кабинет к следователю городской прокуратуры Константину Михайловичу Ольшанскому Настя попала впервые. Они знали друг друга давно, но встречались только на Петровке, где Ольшанский частенько бывал. Он был умным человеком и опытным следователем, грамотным, добросовестным, мужественным, но Настя его почему-то недолюбливала. Она не раз пыталась разобраться в своем отношении к нему, но причин нелюбви к Ольшанскому так и не поняла. Более того, она знала, что очень многие относились к нему точно так же неприязненно, хотя открыто признавали его профессионализм и высокую квалификацию.

Внешне Константин Михайлович производил впечатление недотепы-неудачника: смущенный взгляд, мятый пиджак, на любом галстуке – непременно какое-то постороннее пятнышко непонятного происхождения, далеко не всегда вычищенные ботинки, очки в чудовищно старомодной оправе. Кроме того, Ольшанский отличался весьма живой мимикой и тем, что совершенно не следил за лицом, особенно когда занимался писаниной. Сторонний наблюдатель с трудом удерживался от смеха, видя эти невероятные гримасы и высунутый кончик языка. Вместе с тем следователь бывал резок и невежлив, хотя и не часто, и, как ни странно, в основном с экспертами. Он был помешан на криминалистике, читал всю новейшую литературу, вплоть до диссертаций и материалов научно-практических конференций, и во время осмотра места происшествия буквально стоял над душой у экспертов, предъявляя им какие-то немыслимые требования и ставя перед ними самые неожиданные вопросы.

Кабинет Ольшанского был довольно точным отражением своего хозяина: на полированной поверхности приставного стола – круги от горячих стаканов, рабочий стол захламлен донельзя, пластмассовый абажур настольной лампы померк под вековым слоем пыли, из ярко-зеленого превратившись в тускло-серый. Короче, кабинет Насте не понравился.

Ольшанский встретил ее дружелюбно, но тут же спросил про Ларцева.

Владимир Ларцев вместе с Михаилом Доценко первые девять дней, с 3 по 11 ноября, выполняли поручения следователя по делу об убийстве Виктории Ереминой, и Константин Михайлович ожидал увидеть кого-то из них. В отделе Гордеева знали, что Ольшанский особенно ценил Ларцева и признавал за ним умение вести допросы, частенько поручал ему работу со свидетелями и обвиняемыми и всегда подчеркивал, что результаты такой работы у Володи гораздо лучше, чем у него самого.

– Ларцев пока занят, – уклончиво ответила Настя, – ему поручили другое задание. По делу Ереминой буду работать я.

Надо отдать следователю должное: если он и был разочарован, то виду не показал. Достав из сейфа уголовное дело, он усадил Настю за приставной стол.

– Читай тихонечко. Я должен закончить обвинительное заключение. Через сорок минут у меня очная ставка, так что придется тебя выгнать. Постарайся успеть.

Документов в деле оказалось не так уж много. Заключение судебно-медицинского эксперта: причина смерти – асфиксия, наступившая вследствие удушения, скорее всего, полотенцем (частицы волокон ткани обнаружены на заостренных краях серьги в форме цветка с пятью лепестками). На теле убитой обнаружены множественные кровоподтеки в области спины и груди, образовавшиеся от ударов толстой веревкой или ремнем. Время образования кровоподтеков – от двух суток (самые ранние) до двух часов (самые поздние) до наступления смерти.

Протокол допроса начальника Ереминой, генерального директора фирмы, гласил: Вика много пила, но на работу ходила исправно. Конечно, в поведении были странности, как у всякой пьющей женщины. Она могла, например, уехать на два-три дня с малознакомым мужчиной. Но Еремина при всем при том никогда не забывала отпроситься у начальника, причем не стесняясь заявляла в открытую, зачем ей нужны эти два-три дня. В последнее время она сильно изменилась, стала замкнутой, непредсказуемой, часто отвечала невпопад, подолгу сидела, уставившись в одну точку, и порой даже не слышала, как к ней обращаются. Создавалось впечатление, что она серьезно больна.

Протокол допроса Бориса Карташова, любовника Ереминой: я совершенно уверен, что Виктория была больна. Около месяца тому назад у нее появилась навязчивая идея, что кто-то воздействует на нее по радио и крадет ее сны. Я уговаривал ее проконсультироваться у психиатра, но она категорически отказывалась. Тогда я сам обратился к знакомому врачу, и он выразил уверенность, что у Вики острый психоз и она нуждается в немедленной госпитализации. Однако Вика меня не послушалась. Иногда она вела себя крайне легкомысленно, заводила какие-то случайные знакомства и близко сходилась с подозрительными типами, особенно в периоды запоев. Бывало, что и пропадала на несколько дней с очередным любовником. Я уехал из Москвы в командировку 18 октября, вернулся 26 октября, начал разыскивать Викторию, опасаясь, что в болезненном состоянии она могла попасть в беду. О том, что она собиралась куда-то уезжать, мне ничего не известно.

Никаких сообщений от нее я не получал.

Протокол допроса Ольги Колобовой, подруги Ереминой: я знаю Вику всю жизнь, мы вместе воспитывались в детдоме. Естественно, Бориса Карташова я тоже знаю. Примерно месяц назад Борис сказал мне, что Вика заболела, у нее появилась навязчивая идея, что кто-то при помощи радио крадет у нее сны.

Борис просил, чтобы я поговорила с Викой, убедила ее показаться врачу. Вика категорически отказалась, сказала, что считает себя абсолютно здоровой. Когда я спросила ее, правда ли, что она говорила Борису, будто у нее крадут сны, она подтвердила, что это правда. Последний раз я разговаривала с Викой вечером 22 октября, примерно в 23 часа, я звонила ей домой. Мы договорились встретиться в воскресенье. Больше я Еремину не видела и не разговаривала с ней.

Протокол допроса кандидата медицинских наук Масленникова, врача-психиатра, у которого консультировался Карташов: примерно две-три недели назад, в середине октября, ко мне обратился Борис Карташов по поводу своей знакомой, у которой появились навязчивые идеи. Описанные им симптомы позволили мне сделать вывод, что молодая женщина находится на грани серьезнейшего заболевания и нуждается в немедленной госпитализации. Такое состояние, как у нее, называется синдромом Кандинского-Клерамбо.

Больные в состоянии острого психоза бывают чрезвычайно опасны, так как слышат «голоса», и эти «голоса» могут приказать им сделать все, что угодно, вплоть до убийства случайного прохожего. Точно так же такие больные легко могут стать жертвой преступления, так как не в состоянии адекватно оценивать обстановку, особенно если в этот момент «голос» им что-нибудь «посоветует». Я объяснил Карташову, что госпитализировать его знакомую нельзя без ее согласия до тех пор, пока нарушения психики не приведут к явным нарушениям в поведении и она не попадет в милицию. Карташов сказал мне, что она категорически отказывается даже от простой консультации у специалиста и считает себя полностью здоровой. К сожалению, в таких случаях сделать ничего нельзя, принудительная госпитализация возможна только, как я уже говорил, если больной поведет себя так, что попадет в поле зрения милиции.

Еще несколько протоколов с показаниями сотрудников фирмы, где работала Еремина, а также знакомых погибшей и ее друга Карташова. Ничего нового в этих протоколах Настя не увидела. На глаза ей попался листок с перечнем мест и адресов, где Виктория имела обыкновение напиваться. К листку подколото шесть справок о том, что в указанных местах в период с 23 октября по 1 ноября никто Еремину не видел. Непроверенными оставались еще два адреса.

Настя закрыла уголовное дело и посмотрела на Ольшанского. Следователь быстро печатал на машинке, повернувшись к Насте спиной и ссутулившись на неудобном стуле.

– Константин Михайлович! – позвала она.

Он резко обернулся к ней, задев при этом локтем высокую стопку бумаг на рабочем столе. Документы разлетелись в разные стороны, некоторые упали на пол. Ольшанского это, однако, ничуть не обеспокоило.

– Да? – спокойно отозвался он, словно ничего не случилось, снял очки и принялся ожесточенно тереть пальцами глаза.

– У меня к вам три вопроса. Один – по делу и два – не по делу.

– Начинай с тех, которые не по делу, – добродушно сказал следователь, по-птичьи склонив голову набок и зажав пальцами переносицу. Как все люди, страдающие сильной близорукостью, без очков он выглядел растерянным и беспомощным. Что-то неуловимо изменилось, и Настя вдруг поняла, что у Ольшанского удивительно красивое лицо и огромные глаза с девически длинными ресницами. Толстые стекла «близоруких» очков делали глаза маленькими, а чиненая-перечиненая оправа с многочисленными следами склеивания уродовала следователя до полной неузнаваемости.

– Вам хватает вашей зарплаты?

– Смотря для чего, – пожал плечами Ольшанский, – Для того, чтобы не подохнуть под забором, – вполне, даже с избытком. А для того, чтобы хорошо себя чувствовать, – не хватает.

– Что для вас означает "хорошо себя чувствовать"? – допытывалась Настя.

– Для меня лично? А ты, оказывается, нахалка, Каменская! Сейчас я начну тебе отвечать, а ты мне в душу полезешь. Мне придется рассказывать о своих вкусах, пристрастиях, о хобби, о семейных проблемах и еще Бог знает о чем. С какой стати? Ты мне кто – сват, брат, лучший друг? Давай второй вопрос.

Следователь откровенно хамил, но при этом весело улыбался, сверкал ослепительными ровными зубами, и было совершенно непонятно, сердится он или шутит.

– Вы недовольны, что вместо Ларцева по делу Ереминой буду работать я?

Улыбка на лице Ольшанского стала еще шире, но ответил он не сразу.

– Я люблю работать с Володей, он классный специалист, настоящий мастер. И вообще он мне глубоко симпатичен. Я всегда радуюсь и как следователь, и как человек, когда мне доводится с ним общаться. Что же касается тебя, Анастасия, то с тобой я никогда раньше не работал и почти тебя не знаю. Гордеев тебя очень хвалит, но для меня это – пустой звук. Я привык сам составлять мнение о человеке. Ты удовлетворена моим ответом?

– Честно говоря, нет. Но ведь другого ответа не будет?

– Не будет.

– Тогда третий вопрос: где тот бизнесмен, который отвозил Еремину домой в пятницу, 22 октября, после банкета?

– К сожалению, уехал домой, в Нидерланды. Но в квартире Ереминой его, похоже, не было. Ты протокол осмотра квартиры прочла?

– Не успела. Я читала только свидетельские показания. А протокола допроса этого бизнесмена там нет. Его что, не допрашивали?

– Нет. Он улетел до того, как обнаружили труп и возбудили дело. Однако когда Еремину начали разыскивать, он еще был в Москве, и гендиректор фирмы звонил ему и справлялся о девушке. Таким образом, о событиях вечера 22 октября мы знаем только со слов начальника Ереминой. Так вот, в квартире отпечатков пальцев этого бизнесмена не обнаружено.

– А как вы определили? С чем сравнивали? – удивилась Настя.

– С отпечатками на документах, которые подписывал этот богатый джентльмен.

– Документы представил все тот же гендиректор?

– Совершенно точно.

– Слабовато, – с сомнением произнесла Настя.

– Слабовато, – с готовностью согласился Ольшанский. – Но, может быть, тебя утешит то обстоятельство, что сей господин в 22.30 того же вечера звонил из гостиницы «Балчуг» в Париж, о чем есть соответствующая запись у телефонисток. А Еремина, если ты помнишь, около одиннадцати вечера была жива-здорова и беседовала по телефону с подругой. И вообще маловероятно, чтобы этот голландец был причастен к убийству, потому что убили-то ее никак не раньше 30 октября. Конечно, надо бы его допросить, но это, как ты сама понимаешь, долгая песня – через МИД, посольство и так далее, тем паче, что он вполне может куда-нибудь уехать из Нидерландов по своим коммерческим делам. Не гоняться же за ним по всему миру.

– Константин Михайлович, мне работать по вашим версиям или самой думать?

– А у меня пока всего две версии. Первая – убийство Ереминой связано с темными делами на фирме. Вторая – она действительно психически больна и стала жертвой какого-то подонка, случайно попавшегося ей на пути. Первую версию проверять пока не начали, по второй сделано достаточно много, но, к сожалению, безрезультатно. Никаких следов передвижения погибшей за те несколько дней, что прошли с момента ее исчезновения и до обнаружения трупа, найти не удалось.

– И в чем вы видите мою задачу? – спросила Каменская.

– Я хочу, чтобы ты подумала, как еще можно поработать над второй версией. Я хочу, чтобы ты придумала, где и как обнаружить след Ереминой, если допустить, что она и в самом деле была в состоянии острого психоза.

Поговори со специалистами, посоветуйся с психиатрами, выясни, как ведет себя больной в таком состоянии, прикинь, куда и зачем девушка могла бы отправиться.

– А как же первая версия? Насчет махинаций на фирме? Не будем проверять?

– Анастасия, ты меня умиляешь, ей-крест! – взмахнул руками Ольшанский. – Разве ты в состоянии одновременно делать и то, и другое? Я хочу, чтобы ты

работала по версии, которая, исходя из материалов дела, кажется мне более перспективной. Если ты можешь при этом работать еще по одной версии, я буду только рад. Но, скажу тебе честно, я в это не больно-то верю, пока ты одна. Гордеев собирается выделять людей на это дело или нет? Где это видано, чтобы по убийству работал один человек?!

Настя раздумывала, как бы ответить следователю, чтобы не подвести своего начальника Колобка. Не говорить же Ольшанскому в самом деле, что у Гордеева появилась информация о нечестности кого-то из сыщиков, поэтому он не хочет поручать дело никому, кроме нее, Насти, поскольку здесь могут быть замешаны интересы мафии. Но Константин Михайлович, к счастью, не стал долго задерживаться на выяснении намерений начальника отдела по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями. Он выразил свое негодование и счел вопрос исчерпанным. Тем более что наступило время, на которое у него была назначена очная ставка.

Напряженно глядя под ноги, чтобы не провалиться в лужу по щиколотку, Настя Каменская медленно брела от автобусной остановки к своему дому.

Она ужасно уставала в последние дни, ибо ей, привыкшей к кабинетному сидению, пришлось заниматься обычной работой сотрудника уголовного розыска: ездить по всей Москве, разыскивая нужные адреса и нужных людей, разговаривать с ними, и не просто разговаривать, а зачастую и уговаривать, не просто спрашивать, а упрашивать, чтобы ответили. Что поделать, мало кому нравится беседовать с милицией.

Результат же Настиных усилий был плачевным: Еремина как сквозь землю провалилась после 22 октября. Ее не видел никто из тех, с кем она имела обыкновение проводить время как в дружеской беседе, так и в попойках.

Круг этих людей был не особенно велик, но, кроме такого постоянного «ядра» давних знакомых, была и довольно обширная группа тех, кто участвовал в алкогольных мероприятиях нерегулярно, от случая к случаю. Все они были разысканы и опрошены, и все, как один, уверенно говорили, что после 22 октября Вику Еремину они не видели и по телефону с ней не разговаривали.

Со многими из них общаться было весьма непросто: вместо того, чтобы рассказывать о своей трагически погибшей знакомой, они пытались доказать,

что употребление спиртного – их личное дело и не является поводом для вмешательства милиции.

Однако из всех этих бесед Настя вынесла важную информацию: чем пьянее делалась Вика, тем сильнее становилась у нее потребность кому-нибудь позвонить. Во время пьянок, длившихся иногда два-три дня, она чуть ли не каждые два часа звонила Борису Карташову, чтобы заплетающимся языком сообщить ему, что с ней все в порядке, что все мужики – дураки и сволочи и не имеют права указывать ей, как жить и сколько и с кем пить. Помимо Бориса, она звонила и своей подруге Леле, той самой, с которой вместе росла в детдоме. Более того, она ухитрялась даже несколько раз позвонить на работу, чтобы заверить, что завтра она непременно появится. Поскольку и начальник Ереминой, и подруга Леля, и Борис Карташов уверяли, что в период безвестного отсутствия Вика им не звонила, можно было сделать вывод, что, по крайней мере, в запое девушка в это время не была. С известной оговоркой: если все трое говорят правду. Если же все они, такие разные, живущие в разных местах и имеющие мало общего, дружно лгут, значит, тому есть веская причина. И Настя пыталась понять, что же ей делать в первую очередь: искать эту таинственную причину, если она, конечно, есть, или все-таки пытаться обнаружить следы Ереминой.

Вместе с Настей по делу об убийстве работал Андрей Чернышев из областного управления внутренних дел. Андрей был симпатичным малым, толковым, расторопным, а главное – имел собственную машину, благодаря чему успевал сделать за день раза в три больше, чем сама Настя. Он обожал собак, а со своей овчаркой носился не то что как с писаной торбой, а как с ребенком-вундеркиндом, постоянно опасаясь, что не правильное питание и уход могут повлиять на ее умственные способности. Надо, однако, отдать ему должное: овчарка со странной кличкой Кирилл была идеально выдрессирована, беспрекословно выполняла все команды и понимала своего хозяина не только с полуслова, а с полувзгляда и с полувздоха, чем Андрей ужасно гордился. И Настя знала, что достоинства Кирилла вовсе не преувеличивались. Полтора года назад, во время задержания наемного убийцы Галла, именно эта собака, повинуясь незаметным командам хозяина, обеспечила ей, Насте, возможность, не вызывая подозрений преступника, отойти от опасного места и не мешать тем, кто ожидал его в засаде. Кирилл делал вид, что собирается вцепиться ей в горло, а Настя, в свою очередь, делала вид, что очень этого боится, но в итоге, набив на голове шишку, разбив коленку и сломав каблук, ей удалось благополучно убраться с линии огня.

Внешне Настя и Андрей Чернышев были похожи, как брат и сестра: оба высокие, худощавые, светловолосые, с тонкими чертами лица и серыми глазами. Но если Андрей был красивым, то о Насте вряд ли кто-нибудь мог это сказать. Она не была ни красавицей, ни уродиной, она просто была никакой, незаметной, неброской, с незапоминающимся лицом и блеклыми глазами.

Она от этого не страдала, так как знала, что при помощи умело наложенного макияжа и элегантной одежды может стать совершенно неотразимой, и иногда даже пользовалась этим. В остальное же время Настя была невзрачной серой мышкой, не испытывая ни малейшей потребности нравиться и вызывать восхищение. Это было ей неинтересно.

Конечно, вдвоем с Чернышевым они успевали делать много, но вот толку от этого было, прямо скажем… Дело замерло на мертвой точке. Сотрудники отдела по борьбе с экономическими преступлениями никаких данных о махинациях на фирме, где работала убитая, не имели, а когда Настя выразила сомнение в том, что в наше время есть коммерческие предприятия, работающие абсолютно чисто, ей ответили:

– Грязи кругом полно, и у них наверняка тоже. Но не по части денег, мы проверяли.

Оказывается, Гордеев уже успел обратиться к ним по этому поводу. И все-таки Настя решила сама побывать на фирме.

Генеральный директор, вопреки ожиданиям, от беседы не уклонялся, принял Каменскую, как говорится, по первому требованию и выразил готовность еще раз ответить на все вопросы.

– Почему вы так терпимо относились к пьющей и недисциплинированной секретарше? – спросила его Настя.

– Я уже говорил об этом вашему сотруднику, – пожал плечами гендиректор. – Конечно, это нас не украшает, но скрывать не вижу смысла, тем более что Вике ничто уже повредить не может. В обязанности Вики входило сидеть в приемной, отвечать на телефонные звонки, а также подавать чай, кофе и напитки, особенно когда у меня в кабинете находились иностранные партнеры. Вы меня понимаете?

– Нет, – сухо ответила Настя.

– Странно. Ладно, скажу открытым текстом: иногда, чтобы уговорить партнера, надо его напоить и подсунуть ему красивую девицу, чтобы размяк. Ну что вы на меня так смотрите? Впервые слышите? Не притворяйтесь, Анастасия Павловна, вы же не первый день на свете живете. Все так делают. И Вику я держал здесь именно для этого. Она была просто фантастически красива, ни один мужчина не мог остаться равнодушным, какие бы вкусы у него ни были. Если надо, я отпускал ее с нужным человеком на несколько дней, она сопровождала иностранцев, если им хотелось поехать в Питер, или по "Золотому кольцу", или еще куда-нибудь. Вика никогда не капризничала, всегда выполняла мои просьбы, какого бы мужчины они ни касались.

За это я прощал ей запои и прогулы. Кстати, несмотря на пьянство, она была обязательной. Вы не поверите, но если я предупреждал ее, что, к примеру, в среду у меня важные переговоры и она будет мне нужна, то в каком бы глухом загуле она ни была, сколько бы ни выпила, в среду она была в офисе при полном параде. Она ни разу, вы слышите, ни разу меня не подвела. Поэтому совершенно естественно, что я многое ей прощал.

– Иными словами, вы держали Еремину как штатную проститутку, – тихо подытожила Настя.

– Да! – взорвался гендиректор. – Если вам так больше нравится, то – да! В чем тут криминал? Она работала секретарем, получала за это зарплату, а спать с клиентами ей нравилось, она делала это добровольно и, заметьте себе, бесплатно. Внешне это будет выглядеть только так и никак иначе! А то, что я вам рассказал, – ерунда.

– То есть вы отказываетесь от своих слов? – уточнила Настя.

– Бог мой, нет, конечно. Я сказал вам правду, но только лишь для того, чтобы помочь найти убийцу Вики, а вовсе не для того, чтобы вы мне тут мораль читали. И если вы будете грозить мне пальчиком и упрекать в безнравственности, то я от всего откажусь, тем более, я вижу, вы протокол не ведете. Я, знаете ли, прожил достаточно и в ваших нравоучениях не нуждаюсь. А убийство – вещь серьезная, и я не считаю себя вправе что-то скрывать. Я, однако, надеялся, что буду понят правильно. Видимо, я ошибся. Очень жаль, Анастасия Павловна.

– Да нет, вы не ошиблись, – Настя постаралась улыбнуться как можно приветливее, но это у нее не получилось, улыбка вышла смущенная, стыдливая и какая-то покаянная. – Спасибо вам за откровенность. Скажите, мог кто-нибудь из этих… клиентов приехать в октябре в Москву и попытаться, минуя вас, снова встретиться с Ереминой?

– Разумеется. Но я об этом тут же узнал бы. Вика работает… работала у меня больше двух лет. За это время ее услуги требовались мне множество раз, но далеко не всегда партнеры были новыми. Некоторым она так нравилась, что они хотели встретиться с ней и в свои последующие приезды.

Кое-кто из них действительно делал это за моей спиной. Но Вика таких вещей никогда от меня не скрывала, ведь это была ее работа, а не личная жизнь. Она прекрасно понимала, что если иностранный партнер оказался в Москве и не позвонил мне хотя бы для того, чтобы перекинуться парой слов по-дружески, то это показатель его отношения и ко мне лично, и к фирме, и к нашему совместному бизнесу. Она понимала, что о таких фактах я должен знать, да и я сам ее неоднократно предупреждал. Нет, не думаю, чтобы она решила утаить что-то от меня.

– Значит, в октябре ничего подобного не случалось?

– Нет. Кстати, тот фирмач-голландец, который 22 октября отвез Вику домой, спал с ней уже два года, в каждый свой приезд.

– Мне нужен перечень всех клиентов Ереминой, – потребовала Настя.

Перечень этот, довольно длинный, был ей предоставлен, и теперь Настя ждала, когда через отдел виз и регистрации проверят, не был ли кто из указанных в списке людей в Москве в тот период, когда исчезла Виктория Еремина. Настя очень надеялась на эту версию, но понимала, что ждать придется долго.

…Добравшись до дома, она обессиленно плюхнулась на диван и блаженно вытянулась. Хотелось есть, но вставать и идти на кухню было лень. Вообще Настя Каменская говорила про себя, что лень родилась намного раньше ее самой.

Провалявшись на диване до позднего вечера, она собралась с силами и выползла на кухню. Еды в холодильнике было совсем мало, выбирать не пришлось: яйцо всмятку и сайра из консервной банки. Погруженная в мысли, Настя не чувствовала вкуса того, что ела. Очень хотелось выпить кофе, но она мужественно боролась со своим желанием, так как знала, что и без того заснет с большим трудом.

Ее мучило ощущение бесполезности того, что она делает, отсутствие даже малейших сдвигов в раскрытии убийства. Ей казалось, что она все делает не правильно, и она боялась, что Колобок будет разочарован. Впервые она работает самостоятельно, а не занимается анализом информации, добытой другими сотрудниками, и не дает им умных советов. Теперь она сама добывает информацию, и советчиков у нее нет.

А еще мучило Настю сострадание к своему начальнику, Виктору Алексеевичу Гордееву, который узнал откуда-то, что среди его подчиненных завелся нечестный человек, а может быть, и не один, и теперь он никому из них не верит, а должен делать вид, что ничего не произошло и он их всех уважает и любит по-прежнему. Похоже на театр, подумала Настя, вспоминая репетицию у Гриневича. С той лишь разницей, что у Колобка отныне и до выяснения ситуации вся жизнь превратилась в спектакль, весь день он должен быть актером на сцене. А настоящая жизнь – только то, что у него внутри, в душе. И если актер, сыграв спектакль, может разгримироваться, пойти домой и пожить своей настоящей жизнью, то у Колобка такой возможности нет, потому что даже дома он постоянно помнит, что кто-то, кого он любит и кому верит, его обманывает. Как он сможет жить с такой тяжестью?

Настя почему-то совсем не думала о том, что с такой же тяжестью на сердце отныне будет жить и она…

Полковника Гордеева трудно было узнать. Энергичный, подвижный, в периоды раздумий любивший быстро ходить по кабинету, сейчас он словно окаменел, неподвижно восседая за своим столом и обхватив голову руками. Казалось, эмоции в нем бушуют и он опасается, что одно неосторожное движение – и все, что накипело, выплеснется наружу. Впервые за все время работы на Петровке Насте стало не по себе в присутствии начальника.

– Что по делу Ереминой? – спросил Виктор Алексеевич. Голос его был ровным, бесстрастным. В нем не было даже любопытства.

– Глухо, Виктор Алексеевич, – честно ответила Настя. – Ничего у меня не получается. Полный тупик.

– Ну да, ну да, – пробубнил Колобок, глядя куда-то поверх ее головы.

Насте показалось, что начальник ее не слушал, думая о чем-то другом.

– Помощь нужна? – вдруг спросил он. – Или пока справляетесь вдвоем?

– Будет нужна, если я придумаю новые версии. На сегодняшний день проверены…

– Не надо, – все так же равнодушно прервал ее Гордеев. – Я верю, что ты не халтуришь. С Ольшанским отношения нормальные?

– Не ссоримся, – коротко и суховато сказала Настя, чувствуя, как в ней поднимается обида и недоумение.

– Ну да, ну да, – снова кивнул полковник, и снова Насте показалось, что он задает ей вопросы только для того, чтобы изобразить руководящую роль. Ее ответы его не интересуют, он в это время думает о своем.

– Ты не забыла, что с первого декабря у нас должен быть стажер из Московской школы милиции?

– Я помню.

– Что-то не похоже. Осталось десять дней, а ты туда еще не съездила.

Почему тянешь?

– Сегодня же позвоню и договорюсь. Не беспокойтесь, Виктор Алексеевич.

Настя старалась говорить ровным голосом, хотя больше всего на свете ей хотелось в этот момент убежать сломя голову из кабинета Гордеева, запереться у себя в кабинете и расплакаться. Почему он так разговаривает с ней? Чем она

провинилась? За все годы работы ее ни разу нельзя было упрекнуть в том, что она по забывчивости чего-то не сделала. Да, она многого не умела, она не владела огнестрельным оружием и приемами единоборств, не могла обнаружить слежку и оторваться от нее, плохо бегала, но память у нее была феноменальная. Анастасия Каменская никогда ничего не забывала.

– Не откладывай, – продолжал между тем Гордеев. – Выбирай стажера для себя, а не для чужого дяди. Подключишь его к делу Ереминой. Похоже, что за десять дней мы убийство все равно не раскроем. Так что будешь с ним работать, а заодно и учить. Не ошибешься – возьмем его на работу, у нас людей не хватает. Теперь другое. Весной к нам приезжала делегация сотрудников итальянской полиции. В декабре планируется ответный визит. Ты тоже едешь.

– Почему? – растерялась Настя. – С чего это?

– А ты не вникай. Едешь – и все. Считай, что это компенсация за испорченный отпуск. Я уговаривал тебя ехать в санаторий, я сам доставал тебе путевку и чувствую себя отчасти ответственным за то, что ты так толком и не отдохнула. Поедешь в Рим.

– А как же Еремина? – глупо спросила Настя.

– Еремина? А что Еремина? Если по горячим следам не раскрыла, то потом уже пять-шесть дней роли не играют. В Рим летишь 12 декабря. Если к этому времени ты убийцу Ереминой не найдешь, то ты не найдешь его никогда. Это очевидно. И потом, без тебя жизнь не остановится. Надо будет что-то делать – сделает Чернышев. Да и стажер будет…

К подбору кадров Виктор Алексеевич относился весьма серьезно, не пренебрегая и выпускниками высших учебных заведений МВД. Каждый год перед началом периода стажировок он по негласной договоренности с начальником учебного отдела Московской высшей школы милиции посылал Каменскую выбрать слушателя, которого направят к ним на практику. Для этого существовала такая удобная «крыша», как приглашение практических работников для проведения отдельных занятий, особенно по криминалистике, уголовному процессу и оперативно-розыскной деятельности. Настя проводила семинар или практическое занятие в двух-трех группах старшекурсников, после чего Гордеев звонил в школу и называл фамилию того слушателя, которого он

хотел бы видеть на стажировке у себя в отделе. Конечно, это делалось в нарушение всяческих правил, но Колобку редко в чем-либо отказывали. Личностью он был известной, да и добрых знакомых у него немало. Именно таким путем попал в МУР самый молодой сыщик отдела Миша Доценко, которого Настя «выкопала» аж в Омской школе, когда была там в командировке. Сам Гордеев лет десять назад высмотрел в Московской школе, проверил во время стажировки и привел в отдел Игоря Лесникова, который теперь стал одним из лучших оперативников, находившихся в подчинении Колобка.

Настя позвонила в учебный отдел школы, где ей предложили на выбор несколько тем, по которым в ближайшие два-три дня должны состояться семинары и практические занятия. Она попросила отдать ей практическое занятие по психологическим особенностям показаний очевидцев.

– Очень кстати, – обрадованно ответили ей в учебном отделе. – Преподаватель, который должен проводить эти занятия, сейчас болен, так что никаких проблем. И нам легче: замену искать не надо.

Настя точно знала, по какому принципу она будет отбирать стажера.

Принцип этот подсказал ей широко известный графический тест Равена. Тест состоял из шестидесяти задач, пятьдесят девять из которых построены на одном и том же принципе и различались только по степени сложности: если первые шесть были примитивно простыми, то начиная с пятьдесят четвертой для поиска правильного ответа требовалось значительное напряжение, связанное с необходимостью удерживать глазами и отслеживать несколько показателей одновременно. Пятьдесят девять задач, таким образом, проверяли способность испытуемого сконцентрировать внимание и быстро принять решение в условиях ограниченного времени. Помимо многого другого, тест Равена показывал, умеет ли испытуемый сосредоточиться и не впадать в панику при цейтноте. А вот последняя, шестидесятая, задача была очень коварной, ибо, будучи на удивление простой, основывалась на совершенно ином принципе. Если испытуемый сумел решить последнюю задачу, это означало, что он умеет взглянуть на задачу со стороны, подняться над ней и поискать новые пути, а не двигаться в заданном направлении, тупо пытаясь открыть замок тем же ключом, что и раньше, на том лишь основании, что предыдущие замки легко открывались именно этим ключом. Конечно, говорила себе Настя, с точки зрения физика, пятьдесят девять экспериментов – вполне достаточно, чтобы сделать вывод о шестидесятом. А с точки зрения математика, это далеко не так. И Настя искала

среди слушателей того, у кого окажется мышление именно математическое.

Она порылась в старых записях, позвонила двум знакомым сотрудникам ГАИ и составила наконец задачу, на примере которой будет проводить практическое занятие.

– Как дела? – улыбаясь, поинтересовался Ольшанский у вошедшей в кабинет Насти.

– Плохо, Константин Михайлович. Надо начинать все сначала.

Она села за стол и приготовилась к длинной беседе. Но следователь, судя по всему, ее намерений не разделял. Он мельком взглянул на часы и вздохнул.

– Почему надо начинать сначала? Почему нельзя двигаться дальше?

Настя не ответила на вопрос, ибо ответ был трудным и для нее самой, и для Ольшанского.

– Нужно повторно допросить Бориса Карташова, друга Ереминой.

Следователь медленно поднял голову и, не мигая, уставился на нее.

Из-за толстых линз в очках глаза его казались маленькими, и оттого лицо было неприятным, а взгляд – сверлящим.

– Зачем? Ты обнаружила что-то, что позволяет его подозревать?

Настя и в самом деле кое-что обнаружила, но, во-первых, это не давало оснований подозревать Бориса Карташова, а во-вторых, она вообще не была уверена, что то, что она обнаружила, представляет какой-то интерес. Чтобы укрепиться в своих мыслях, ей просто необходим был повторный допрос.

– Я вас очень прошу, – упрямо повторила она, – допросите, пожалуйста, Карташова. Вот список вопросов, ответы на которые надо непременно получить.

Настя достала из сумки сложенный листок и протянула следователю. Тот, однако, листок не взял, а вместо этого вытащил из стола бланк отдельного поручения.

– Хорошо, допрашивай, – сухо произнес он, быстро заполняя бланк.

– Я думала, вы сделаете это сами.

– Зачем? Это же у тебя появились вопросы к Карташову, а не у меня. По крайней мере, ты сможешь задавать их до тех пор, пока не получишь ответ, который тебя устроит. А то вдруг тебе результаты моего допроса тоже не понравятся.

– Ну зачем вы так, Константин Михайлович, – укоризненно сказала Настя. – Я же не говорю, что предыдущий допрос проведен плохо. Просто в деле открылись новые обстоятельства…

– Какие? – Он резко поднял голову.

Настя молчала. Она привыкла доверять своим, пусть даже неясным, ощущениям, но никогда не рассказывала о них, пока не получала в руки факты.

Дело об убийстве Виктории Ереминой вовсе не было запутанным делом, в котором было много противоречивой информации. Все, что Насте удалось узнать, было логичным и стройным, но не проливало ни малейшего света на вопрос о том, где была погибшая с 22 октября до 1 ноября, когда ее, судя по всему, задушили. Если девушка и впрямь находилась в состоянии острого психоза, то она могла уйти или уехать куда угодно, познакомиться с кем угодно, и никакой нормальной логике ее поступки не подчинялись. Когда человек в здравом уме, то его можно искать у родственников или знакомых, и вопрос только в том, чтобы как можно полнее установить круг этих людей. А угадать возможные маршруты передвижения сумасшедшего – занятие пустое. Уходит человек из дома без документов куда глаза глядят… Труп обнаружен местными жителями случайно, ягодно-грибная пора прошла, в лесу людям в ноябре делать нечего. Повезло, что хотя бы опознать сумели, и то лишь благодаря тому, что было заявление о розыске. Нет, убийство Ереминой не было запутанным. В деле было поразительно мало информации, а это было еще хуже.

Хотя ответ из ОВИРа еще не поступил, Настя мысленно распрощалась и с той версией, на которую так надеялась еще два дна назад. Обнаруженное ею «кое-что» подсказывало, что Вика убита не каким-то заграничным любовником, что дело здесь совсем в другом…

– Так какие появились новые обстоятельства? – тихо и очень жестко спросил Ольшанский, протягивая ей бланк с поручением на допрос Бориса Карташова. – Ты мне не ответила.

– Можно, я отвечу вам после допроса?

– Хорошо, ответишь после. Но имей в виду, Каменская, утаивать от меня информацию ты не имеешь права, даже если считаешь, что она не важна для дела. Мы с тобой работаем в первый раз, поэтому я тебя по-хорошему предупреждаю, что со мной эти фокусы не пройдут. Узнаю – за шкирку выкину, как паршивого котенка. И ни к одному делу, которое будет находиться в работе у следователей городской прокуратуры, тебя больше никогда близко не подпустят. Уж об этом я позабочусь. Не думай, что ты самая умная и можешь решать, что годится для дела, а что – нет. И не забывай, что процессуальное лицо – я, а не ты, поэтому играть будешь по моим правилам, а не по тем, которые у вас на Петровке приняты. Усвоила?

– Я все поняла, Константин Михайлович, – пробормотала Настя и быстро выскользнула из кабинета следователя. "Не зря я его не люблю, – зло подумала она. – Вот как разошелся. Хам трамвайный!"

Надо было позвонить Карташову и договориться о встрече. Настя спустилась на второй этаж, где, как она знала, располагался кабинет ее сокурсника, ныне старшего помощника прокурора. Она позвонит оттуда, на уличные автоматы надежда слабая: они или не работают, или требуют как раз тех монет, которых у нее не окажется.

Настя никогда не составляла мнения о людях с первого взгляда. Но Борис Карташов понравился ей сразу.

Когда он открыл ей дверь, огромный, почти двухметрового роста, в джинсах, байковой рубашке в сине-белую клетку и темно-сером свитере из верблюжьей шерсти, Настя попыталась сдержать улыбку, но не справилась с собой и

расхохоталась. Слезы текли из глаз, и, сотрясаясь от приступов смеха, она успела подумать, что, слава Богу, не красила сегодня ресницы, иначе все лицо было бы в потеках от туши.

– Что с вами? – испуганно спросил хозяин. Но Настя лишь махнула рукой. Расстегнув куртку, она протянула ее Карташову, и тут он сам начал судорожно всхлипывать от смеха. Настя была одета в точно такие же джинсы, в такую же сине-белую рубашку, а ее свитер из верблюжьей шерсти был чуть-чуть светлее, чем у Бориса.

– Мы с вами как из одного инкубатора, – сказал Карташов, с трудом переводя дыхание. – Вот уж не думал, что одеваюсь, как работник уголовного розыска. Проходите, пожалуйста.

Оглядывая квартиру художника, Настя недоумевала, почему Гордеев назвал его «богемным». Ничего богемного в любовнике Вики Ереминой не было – ни во внешности, ни в одежде. Короткие волосы, довольно густые, но с начинающей появляться плешью на макушке, аккуратные усы, крупный, пожалуй, несколько длинноватый нос, атлетическое сложение спортсмена. Ни малейшей небрежности ни во внешнем облике, ни в обстановке квартиры. Напротив, комната была обставлена удобной и вполне традиционной мебелью. У окна – большой письменный стол, на котором Настя увидела множество эскизов и законченных рисунков.

– Хотите кофе?

– С удовольствием, – обрадовалась Настя, которая двух часов не могла прожить без чашки кофе.

Они расположились на кухне, чистой и уютной, где господствовали бежевый и светло-коричневый цвета, и это тоже Насте понравилось. Она с удовлетворением отметила, что кофе вкусный и крепкий, а хозяин управляется с джезвой ловко и быстро и, несмотря на внушительную фигуру, двигается грациозно и легко.

– Расскажите мне о Вике, – попросила она.

– Что именно? О том, как она заболела?

– Нет, с самого начала. О том, почему она оказалась в детском доме.

В детском доме трехлетняя Вика Еремина оказалась после того, как ее мать отправили на принудительное лечение от алкоголизма. В лечебно-трудовом профилактории Еремина-старшая и скончалась спустя несколько месяцев, отравившись невесть откуда взявшимся денатуратом. Мать девочки замужем никогда не была, других родственников не обнаружилось, так что Вика осталась в доме ребенка, а потом и в детском доме насовсем. Выросла, окончила ПТУ, получила специальность «маляр-штукатур», начала работать, получила место в общежитии. В рабочее время трудилась, в нерабочее – на полную мощь пользовалась своей яркой, неординарной красотой. Так длилось довольно долго, пока примерно два с половиной года назад она не прочла в газете объявление о том, что какой-то фирме требуется девушка не старше 23 лет для работы секретарем. Вика была достаточно цинична, чтобы сообразить, почему в таком объявлении указан возраст. Она купила несколько рекламных газет, внимательно их прочитала и выбрала предложения, адресованные молодым привлекательным девушкам. Так она и оказалась сотрудником фирмы.

– Когда вы с ней познакомились?

– Давно, когда она еще была маляром. В соседней квартире делала ремонт. Сначала заходила ко мне на чашку чаю, когда делала перерыв. Потом предложила приготовить мне обед, сказала, что хорошо готовит и ей ужасно хочется приготовить обед для мужчины, а не для подруг по общежитию. Я не сопротивлялся, Вика мне нравилась, она казалась очень славной и открытой. Ну и потом, красавица была редкостная.

– Борис… – Настя помялась. – Вы не возражали против той работы, которую Вика выполняла на фирме?

– Я не был в восторге, но не из ревности, а по соображениям чисто человеческим. Когда молодая женщина зарабатывает на жизнь проституцией не потому, что ей это безумно нравится, а потому, что она больше ничего не умеет, а денег хочет иметь много, – это печально во всех отношениях. Но высказываться вслух я не мог.

– Почему же?

– А что я мог предложить ей взамен? Фирма сразу же приобрела для нее квартиру, купила мебель. И платили ей столько, сколько я за год зарабатываю. Пока она была маляром, я делал ей подарки, баловал ее. А в последние два года все переменилось, теперь уже Вика делала мне подарки.

Меня поначалу это очень смущало, потом я многое понял…

– Что именно? – насторожилась Настя.

– Детский дом. Вы постарайтесь вникнуть, представить себе, и вы тоже поймете. Все общее, все как у всех. В ее детстве не было многого из того, что есть у детей, растущих в семьях. И Вике все время хотелось как бы компенсировать это, «добрать», что ли. Она совсем не дорожила памятью о детском доме, отношения поддерживала только с Лелей Колобовой. Отношения с подругами по общежитию тоже порвала. Ей хотелось, чтобы у нее были не общие, а свои, индивидуальные подруги, свой собственный круг друзей, которых она выбрала бы сама, а не таких, которых судьба случайно свела в один класс, в одну группу или в одну комнату. Она хотела сама выбирать, что ей делать и с кем ей общаться. Конечно, этот выбор оставлял желать много лучшего, но… Свою голову ведь не приставишь. Для нее важным было только то, что она выбирает знакомых по своей воле и желанию, а то, что это порой бывали какие-то сомнительные личности, ее не волновало. То же самое с обедами и подарками: ей хотелось выбрать себе объект и заботиться о нем, ей хотелось иметь семью. Все это в полную силу обрушилось на меня, и со временем мне это стало даже нравиться.

– Она хотела выйти за вас замуж?

– Может быть. У нее хватало ума не говорить об этом. С ее образом жизни разве могла она предложить себя в качестве жены?

– А что, этот образ жизни непременно надо было сохранять?

– Я ведь говорил, Вика хотела иметь очень много денег.

Поймите, она не была жадной, совсем наоборот, она не копила деньги, а тратила направо и налево. Безудержное стремление к достатку – тоже компенсация нищего детдомовского детства.

Так что ей приходилось выбирать, чего же ей хочется больше – замужества или денег.

– А вы, Борис? Вы бы хотели жениться на ней?

– Ну, я уже дважды был женат, плачу алименты на дочку. Конечно, я хотел бы иметь нормальную семью, детей. Но не от Вики. Она слишком много пила, чтобы родить здорового ребенка и быть хорошей женой и матерью. Ей нравилось поиграть в жену здесь, у меня, но – два, от силы три дня в неделю, на большее ее не хватало. Или проводила время с очередным клиентом, или со своими друзьями, или просто валялась на диване и мечтала.

Еще кофе?

Борис насыпал зерна в кофемолку и продолжил свой рассказ о безалаберной и непутевой Вике Ереминой.

Много лет, собственно, наверное, всю жизнь, сколько она себя помнила, ей периодически снился страшный сон. Порой часто, порой с перерывом в несколько лет, но сон этот возвращался к Вике, заставляя ее просыпаться и дрожать от страха. Она видела окровавленную руку. Человек, которого во сне не было видно, вытирает руку о белую оштукатуренную стену, оставляя на ней пять красных полос. Появляется другая рука, владельца которой тоже не видно, и чем-то рисует поперек пяти полос скрипичный ключ. Раздается мерзкое хихиканье, постепенно перерастающее в отвратительный злобный хохот, и под этот хохот Вика в ужасе просыпалась.

В конце сентября Вика пришла к Карташову и прямо с порога заявила:

– Кто-то подсмотрел мой сон и рассказывает об этом по радио.

В первый момент Борис растерялся. "Приехали, – подумал он. – Девочка допилась". Что в подобных случаях делать, он не знал. То ли объяснять ей, что такого не может быть, что это – проявление болезненной психики, то ли поддакивать и соглашаться, делать вид, что веришь. Борис выбрал третий вариант, сочетающий, как ему казалось, лечебный момент и внешнее согласие. После того как навязчивая идея не покинула девушку и через неделю, он

предложил:

– Давай попробуем нарисовать твой сон. Если существует сила, которая крадет твои сны, то ее это должно испугать.

Вика, вопреки опасениям, не отказывалась, и Борис сделал несколько эскизов, пока не получилось нечто очень близкое к тому, что ей снилось.

Но это не помогло. Вика все больше погружалась в свою идею, но болезненное состояние отрицала и идти к психиатру категорически отказывалась.

Тогда Карташов решил сам проконсультироваться у специалиста. Врач признал, что внешние симптомы похожи на начало острого психического заболевания, что идея воздействия на человека по радио и проникновения в мысли характерна для синдрома КандинскогоКлерамбо, но с уверенностью ничего утверждать нельзя. Заочно диагнозы не ставятся. Если девушка отказывается добровольно идти к врачу, то выход только один: он, врач, может приехать к Карташову в гости под видом приятеля, когда там будет Вика, посидеть с ними пару часов, попить чаю и своими глазами взглянуть на больную, на ее поведение. Они договорились, что как только Борис вернется из поездки, такой визит непременно нужно будет организовать. Вот, собственно, и все. Вернувшись 27 октября из Орла, где Борис делал эскизы для книги, выпускаемой местным издательством, он узнал, что Вика куда-то пропала и уже третий день не появляется на работе.

– Что было дальше, вы сами знаете. Я начал обивать пороги в милиции, принялся обзванивать Викиных приятелей. Все безрезультатно.

– А вы пытались поговорить с другим врачом? Или удовлетворились мнением одного?

– Да мне и одного-то было трудно найти. У меня знакомых врачей нет, круг общения, знаете ли, не тот.

– Где же вы этого психиатра нашли?

– Через знакомого, и то случайно. Он как-то обмолвился, что у него много друзей в медицинском мире и, если у меня будут проблемы со здоровьем, он всегда рад помочь. Вот к нему я и обратился, а он уже вывел меня на того врача.

Настя услышала, как в комнате зазвонил телефон, но Борис остался сидеть, будто и не слышал.

– Вы не подойдете к телефону? – спросила она удивленно.

– У меня автосекретарь. Если нужно, я потом сам перезвоню.

Когда Настя шла к Борису Карташову, ей хотелось проверить, не является ли заболевание Ереминой выдумкой самого художника. Мировая практика, говорила она себе, знает такие случаи, когда человеку ловко внушается, что у него нелады с психикой, чтобы использовать это в своих интересах.

Врач Вику в глаза не видел, практически все, что мы знаем о болезни девушки, мы знаем со слов Карташова. А если он лжет? Правда, существуют показания Ольги Колобовой, подруги по детдому, о том, что она разговаривала с Викой об ее украденном сне, и та якобы не выразила удивления и ничего не отрицала. Но ведь и Колобова может лгать, сговорившись с Борисом. Зачем? Ну, мало ли зачем. Они вместе решили избавиться от Вики и соорудили эту психиатрическую балладу. Мотив? Пока неясен, но ведь версию еще не начали отрабатывать. Может, и есть такой мотив, может быть, он даже лежит на поверхности, просто его никто не искал.

Чтобы проверить эту версию, нужно было попытаться обнаружить противоречия или хотя бы несостыковки в показаниях Карташова, Лели Колобовой и врача-психиатра Масленникова. Теперь добавился еще один потенциальный свидетель – знакомый Бориса, порекомендовавший ему врача. Должен же был Борис как-то объяснить ему, зачем нужен психиатр.

Вместе с тем затеплилась надежда еще на одну версию.

– Когда вы уезжали в Орел, вы подключали автосекретарь?

– Обязательно. Я – художник на вольных хлебах, заказчики обращаются непосредственно ко мне. Если я буду пропускать телефонные звонки, то могу потерять хорошие заказы.

– Значит, вернувшись из поездки, вы прослушали все записи за десять дней?

– Да, разумеется.

– И там не было никакого сообщения от Вики?

– Нет. Я уверен, что, если бы она собиралась уезжать надолго, она обязательно предупредила бы меня. Я ведь говорил вам, она очень дорожила чувством, что о ней кто-то беспокоится, что хоть кому-то небезразлично, где она и что с ней. В ее детстве этого не было.

– Что стало с той кассетой? Вы ее стерли?

Настя была совершенно уверена, что услышит утвердительный ответ, и спрашивала только для проформы.

– В ящике лежит. Я кассеты не стираю, мало ли что может потом пригодиться.

– Например, что?

– Ну, в прошлом году был случай: мне позвонили из какого-то заштатного издательства, предложили оформить сборник анекдотов, оставили адрес и телефон. Меня дома не было, когда они звонили. Я им перезванивать не стал, иллюстрировать анекдоты – не мой профиль, к тому же в тот момент у меня было несколько заказов, так что без работы я не сидел. А вскоре мой приятель-карикатурист пожаловался на отсутствие денег, и я припомнил тот звонок. Нашел запись на кассете, дал ему координаты издательства – и все довольны.

– Значит, кассета с записью звонков, поступивших за время вашего пребывания в Орле, сохранилась?

– Да.

– Давайте послушаем, – предложила Настя.

Лицо Карташова напряглось. Или ей показалось?

– Вы мне не верите? Честное слово, там нет сообщения от Вики. Я вам клянусь.

– Прошу вас, – жестко сказала Настя. Хозяин мгновенно перестал ей нравиться, и она приготовилась к атаке. – Давайте все-таки послушаем.

Они вошли в комнату, и Борис сразу же достал из ящика стола кассету.

Включив воспроизведение, он протянул Насте один из рисунков, лежащих в папке на столе.

– Вот, посмотрите. Это сон, который снился Вике.

Настя разглядывала рисунок, одновременно прислушиваясь к голосам, доносящимся из магнитофона.

"Борька, не забудь, что второго ноября у Лысакова сорокалетие. Если ты его не поздравишь, он смертельно обидится…"

"Борис Григорьевич, здравствуйте, это Князев. Свяжитесь со мной, пожалуйста, когда вернетесь. Надо внести небольшие изменения в эскиз обложки…"

"Сукин ты сын, Карташов! Где коньяк, который ты мне проиграл?.."

"Боря, не сердись. Я не права, признаю. Извини меня…"

– Кто это? – быстро спросила Настя, нажимая кнопку "стоп".

– Леля Колобова, – неохотно ответил Карташов.

– Вы с ней поссорились?

– Как вам сказать… Это старая история, иногда дающая рецидив. К Вике она отношения не имеет. Это связано с мужем Лели.

– Мне нужно знать, – настойчиво сказала Настя.

– Ну хорошо, – он вздохнул. – Когда Леля познакомилась со своим будущим мужем, я сразу сказал ей, что он ни одной юбки мимо не пропустит.

Когда после свадьбы Леля стала ловить его на изменах, она очень страдала. А я, как дурак, хотя и знаю, что нельзя вмешиваться в чужую жизнь, все-таки лез к ней с советами бросить его. На мой взгляд, дрянной он мужичонка, и Лельку мне было жалко. Но она воспринимала мои слова очень болезненно, и выражалось это в том, что в ответ на предложение оставить мужа ей хотелось сказать мне что-нибудь оскорбительное. Например, что так рассуждать может только импотент или гомосексуалист, или что я просто завидую тому, что у ее мужа есть жена и семья, или еще что-нибудь такое же глупое. Все такие разговоры у нас кончались ссорами, потом мы мирились, конечно.

– И что же она вам сказала в последний раз? За что просила прощения?

– Она сказала, что ее муж хоть и бабник, но старается по возможности скрыть это от нее, и это гораздо приличнее, чем поведение Вики, которая открыто шляется напропалую и не считает нужным этого стесняться.

– И это она о близкой подруге так сказала? – изумилась Настя.

Карташов пожал плечами.

– Женщины… – неопределенно ответил он. – Кто их разберет? Давайте слушать дальше.

"Борис, это я, Олег. Мы с ребятами планируем на Новый год ехать в Вороново. Если хочешь присоединиться, дай знать до десятого ноября, там места нужно заказывать заранее…"

"Борька, я оставил у тебя в квартире спичечный коробок, на котором записан очень нужный телефон. Если найдешь, не выбрасывай…"

"Боря, я очень по тебе скучаю. Целую тебя, милый…"

– А это кто? – Настя остановила пленку.

– Знакомая. – Карташов вызывающе посмотрел на нее, ожидая дальнейших вопросов и заранее готовясь ощетиниться.

– Но это точно не Вика?

– Это не Вика. Если вы мне не верите, я поставлю вам другие кассеты, где есть ее голос.

– Я вам верю, – неискренне сказала Настя, запуская кассету дальше.

Звонки от заказчиков, от приятелей, от родителей Бориса, от женщин…

И вдруг наступила пауза.

– Что это? – Настя резко выключила магнитофон, из которого стали доноситься приветственные слова следующего абонента.

– Не знаю, – растерянно ответил Карташов. – Я и внимания не обратил, когда слушал. Знаете, как это бывает – включаешь запись, а сам в это время сумку с вещами разбираешь или ужин готовишь… Внимание то и дело переключается с того, что слышишь, на то, что делаешь.

– Кто звонил перед тем, как пошла пауза?

От напряжения у Насти начали дрожать руки. Она поняла, что нашла какую-то ниточку.

– Солодовников, мой однокурсник.

– А следующий после паузы?

Борис включил запись и прослушал речь звонившего до конца.

– Это Татьяна, моя двоюродная сестра.

– Позвоните им и спросите, когда, в какой день и, желательно, час они звонили вам. Нужно сделать это немедленно.

Художник покорно подсел к телефону, а Настя снова принялась разглядывать рисунок, на котором был запечатлен украденный сон Вики Ереминой.

– Все очень неточно, – обратился к ней Борис. – Прошло около месяца, люди стали забывать детали. Солодовников говорит, что звонил где-то в конце недели, 21 или 22 октября, но точно помнит, что не позже, потому что в пятницу вечером, 22 октября, он уехал в Петербург. Собственно, он и звонил мне в связи с этой поездкой, хотел узнать телефон нашего общего знакомого-питерца. А сестра звонила после того, как увидела по телевизору мою первую жену: у нее брали интервью на улице как у случайной прохожей. Она вообще не помнит, в какой день это было, но говорит, что кинулась звонить сразу после передачи, хотела мне сообщить, что Катя снова в Москве.

– А для вас так важно знать, что ваша первая жена снова в Москве?

– Видите ли, у Екатерины сложный характер. Она женщина пустая и вздорная, считает меня виновником всех ее бед, не может простить мне развода и очень любит устраивать всякие мелкие пакости. В прошлый раз, например, она не пожалела времени, сутки просидела на лестнице этажом выше моей квартиры, выслеживая, когда от меня выйдет какая-нибудь женщина, а когда дождалась наконец, то подошла и столько гадостей ей наговорила про меня, что оставалось только диву даваться.

– Та женщина, с которой говорила ваша жена… Это была Вика?

– Нет, – быстро ответил Карташов. Пожалуй, слишком быстро, отметила про себя Настя.

– А кто?

– Это была не Вика, – раздельно произнес Борис, глядя ей прямо в глаза. – А кто конкретно – вас не должно касаться.

– Ваша сестра помнит название передачи, после которой она кинулась вам звонить?

– "Свободная рулежка", по четвертому каналу.

Настя задумалась. Кассету надо изъять, это очевидно. Пауза могла возникнуть по двум причинам: либо кто-то после сигнала автоответчика не захотел ничего говорить и просто молчал в трубку, либо запись стерли. В первом случае ничего нового к делу это не добавляло, а во втором давало веские основания подозревать Бориса Карташова в том, что он стер чей-то звонок, и не исключено, что это был звонок либо самой Ереминой, либо как-то связанный с ее смертью. Колобок предупреждал, что убийство Вики может быть связано с мафиозными делами, а у мафии, как известно, самые сильные адвокаты, поэтому просто забрать кассету было бы непростительной ошибкой: поди потом доказывай, что запись стерли не в милиции, чтобы скомпрометировать Карташова. Необходимо соблюсти все формальности: получить бланк и оформить выемку. Но как это сделать? Если Борис честен, в чем Настя сильно сомневалась, то можно приехать завтра прямо с утра с протоколом и понятыми. А если он замешан в убийстве и пауза на пленке как-то с этим связана? Кто знает, какую пленку и в каком виде она получит завтра? Но изымать ее все-таки надо: если запись стерли, то на пленке не будет шумового фона, который непременно остается, даже если в трубку молчат. Ответить на вопрос о природе непонятной паузы должны эксперты. Как же быть?

Она взглянула на часы: половина второго. Мелькнула сумасшедшая надежда на то, что Андрей Чернышев мог посреди дня заскочить домой покормить собаку. А вдруг?

Насте повезло. Семилетний сынишка Андрея добросовестно доложил, что папа обещал в час дня приехать, чтобы покормить Кирилла и погулять с ним. Час дня уже давно прошел, так что папа будет с минуты на минуту, потому что, если бы он решил совсем не приезжать, он бы уже позвонил и скомандовал, из каких пакетиков и баночек давать собаке обед. Настя оставила пацану телефон Карташова и попросила, чтобы папа сразу же позвонил, как только появится.

– Расскажите мне о вашем знакомом, через которого вы нашли врача, – попросила Настя.

– Я его почти не знал. Познакомились в одной компании, он разговорился со мной, сказал, что занимается коммерцией в издательском деле, хотя в свое время учился в мединституте, так что знакомых медиков у него много, и если возникнут проблемы со здоровьем, то он всегда готов помочь.

Оставил мне свою визитку. Вот и все знакомство.

– Мне нужны его данные. У вас визитка сохранилась?

Пока Борис перебирал листки, вложенные в записную книжку, Настя опять глянула на рисунок с пятью кроваво-красными полосами.

– Скажите, Борис, а почему скрипичный ключ на рисунке салатного цвета?

– Так Вике снилось. Я и сам удивлялся, но она твердо настаивала, что скрипичный ключ бледно-зеленый во всех снах и никогда не бывает другим.

Вот, нашел! – он протянул Насте визитную карточку Валентина Петровича Косаря с домашним и служебным телефонами.

Глава третья

Настя внимательно оглядела аудиторию. Пятнадцать слушателей Московской школы, все в форме, коротко подстриженные и гладко выбритые, казались ей на одно лицо. Вчера она провела практическое занятие в параллельной группе и не обнаружила никого, чье мышление соответствовало бы уровню «шестидесятой задачи».

Она посвятила первые десять минут краткому повторению лекционного материала, затем начертила на доске схему дорожно-транспортного происшествия.

– Записывайте: показания водителя… показания свидетелей А… Б…

В… Г… Задание: объяснить причины расхождения свидетельских показаний и определить, чьи показания наиболее близки к тому, что произошло на самом деле. Время – до перерыва. После перерыва будем разбирать ответы.

Когда прозвенел звонок на перерыв, Настя вышла на лестничную клетку, где разрешалось курить. Несколько слушателей из группы подошли к ней.

– Вы на Петровке работаете? – спросил паренек крошечного роста: он был на голову ниже ее.

– На Петровке.

– А где вы учились?

– В университете.

– А в каком вы звании? – продолжал допытываться коротышка.

– Майор.

На несколько мгновений воцарилось молчание. Потом в разговор вступил другой слушатель, крупный, светловолосый, с едва заметным шрамом над бровью.

– Вы специально так одеваетесь, чтобы никто не догадался?

Вопрос поставил Настю в тупик. Она знала, что в своем повседневном виде выглядит куда моложе тридцати трех лет. И хотя сегодня на ней вместо привычных джинсов была надета строгая прямая юбка, а байковую рубашку и теплый свитер она заменила на белую шерстяную водолазку и кожаный пиджак, все равно вид у нее был как у девчонки: чистое лицо без косметики, длинные светлые волосы стянуты на затылке в хвост. Ей никогда в голову не приходило прилагать усилия к тому, чтобы выглядеть моложе своих лет, просто она одевалась так, как ей было удобно. Краситься ей лень, а делать сложную прическу из длинных волос – смешно, если все время ходишь в джинсах и кроссовках. Носить же другую, «солидную», одежду Настя категорически не хотела. Во-первых, к вечеру у нее почти всегда отекали ноги, потому что двигалась она, как правило, мало, а кофе пила много. Во-вторых, у нее были

плохие сосуды, и из-за этого она все время мерзла, а в джинсах, рубашках и свитерах было тепло и удобно, и Настя ценила это превыше всего. Однако объяснять все это светловолосому слушателю было бы по меньшей мере смешно.

– А о чем должны догадываться? – задала она встречный вопрос.

– О… О том, что… – блондин на секунду запнулся и рассмеялся. – Ну и ляпнул же я, вот идиот!

"Молодец, – с одобрением подумала Настя. – Соображает.

Действительно, смешно стараться выглядеть так, чтобы всем сразу была видна твоя профессия. А при нашей работе вообще лучше быть хамелеоном: сегодня тебе тридцать пять, а завтра – двадцать семь. Если никого лучше в группе не окажется, попрошу его на стажировку. Он хотя бы умеет вовремя спохватываться и признавать свои ошибки, а это уже полдела".

Входя после перерыва в аудиторию, Настя почувствовала, как колотится у нее сердце. Каждый год, выбирая стажера, она нервничала, надеясь найти жемчужину в куче зерна и боясь ее проглядеть. Взглянув на список группы, она начала опрос. Ответы были обычными, в меру правильными, но чаще – поверхностными, не выходящими за пределы того, о чем Настя сама же напомнила слушателям в начале занятия. Складывалось впечатление, что лекцию они не слушали и учебник не прочли. "Будто каторгу отбывают, – с досадой думала Настя, слушая вялые и скучные ответы. – Прямо рабский труд какой-то. Их же никто не заставлял сюда поступать, сами пришли, в конкурсе участвовали, нормы физ-подготовки выполняли, сдавали экзамены. А теперь вся эта учеба им словно и не нужна. И такое «пополнение» через полгода придет в Московскую милицию. Толку от них будет…"

– Мещеринов, прошу ваш ответ.

До конца занятия оставалось восемь минут. Настя решила, что лучше самокритичного блондина со шрамом ей все равно никого не найти. Надо послушать его ответ, и если он сможет связно произнести хотя бы три слова, она остановит свой выбор на нем. Не Бог весть что, конечно, но его можно будет поднатаскать и кое-чему научить.

– Скорее всего, психологические особенности тут ни при чем, – произнес Мещеринов. – Показания свидетелей расходятся потому, что они подкуплены и говорят то, что им велели.

У Насти запылали щеки. Неужели? Неужели она нашла свою жемчужину, нашла человека, который сумел подняться над заданными заранее рамками и поискал решение задачи в совершенно иной плоскости? Вот повезло! Стараясь, чтобы голос не выдал ее радостного волнения, она спросила:

– Как вы предполагаете, зачем это могло быть нужно?

– Например, чтобы запутать и затянуть следствие. Водитель мог кому-то мешать, и нужно было любыми путями ограничить свободу его передвижения.

По условиям задачи потерпевший погиб, верно? Значит, подследственный наверняка находится под подпиской о невыезде. При таких разноречивых показаниях свидетелей следствие будет тянуться до второго пришествия, и это дает полную гарантию, что виновный водитель из города не выедет. А тем более из страны.

"Отлично! Ты не только решил шестидесятую задачу. У тебя свободный полет фантазии, вон какую жуткую историю с ходу наворотил. И вдобавок ты на занятии по криминалистике не забыл, что существует еще и уголовный процесс. Умница!"

– Спасибо, Мещеринов, садитесь, пожалуйста. Занятие окончено. До звонка еще две минуты, и я скажу вам на прощание несколько слов. Уровень знаний в вашей группе производит удручающее впечатление. До выпуска вам осталось шесть месяцев, из которых один уйдет на стажировку, и еще один – на диплом. Вряд ли можно что-то поправить, времени осталось совсем немного. Я не сомневаюсь, что к госэкзаменам вы подготовитесь как следует, все выучите и благополучно сдадите. Но умственная лень – страшный порок. Большинство из вас, к сожалению, этим пороком страдает. Может быть, кто-то из вас и не собирается становиться хорошим оперативником или следователем, ему нужен только диплом юриста и лейтенантские погоны.

К таким слушателям мои слова не относятся. А остальные должны иметь в виду, что, если они будут лениться думать, у них ничего не выйдет и преступления

раскрывать они не смогут. Всего вам доброго.

В коридоре Настя догнала Мещеринова, направлявшегося в столовую, и тронула его за локоть.

– Подождите минуту, Мещеринов. Вы уже знаете, где будете стажироваться?

– Северный округ, отделение «Тимирязевское». А что?

– Вы не хотели бы пройти стажировку в МУРе, в отделе борьбы с тяжкими насильственными преступлениями?

Мещеринов замер и, чуть прищурившись, уставился на Настю. Казалось, он напряженно размышляет, взвешивая все «за» и «против». Потом слегка кивнул.

– Хотел бы, если это возможно. Но в учебном отделе уже всех распределили.

– Я решу этот вопрос. Мне нужно только ваше согласие.

– Я согласен. А вам это зачем нужно?

Второй раз за два часа этот парень поставил Настю в сложное положение. "А ты не прост, дружок, – озадаченно подумала она. – Другой бы вне себя от радости был и не раздумывал бы ни секунды. А ты что-то высчитываешь, выгадываешь, вопросы задаешь. Пожалуй, из тебя выйдет сыщик. Хорошо, что я тебя нашла".

– У нас, как и всюду, некомплект сотрудников, – ответила она Мещеринову. – Поэтому мы рады любой помощи. Но чем толковее стажер, тем лучше, даже если он приходит всего на месяц.

– Вы считаете меня толковым? – усмехнулся слушатель. – Приятно слышать. А то вы всех нас с дерьмом смешали.

И майору милиции Анастасии Каменской стало неловко…

– Не разбудил? – послышался в телефонной трубке голос Андрея Чернышева.

Настя включила лампу и посмотрела на часы – без пяти семь. Будильник зазвонит через пять минут.

– Разбудил, садист несчастный, – проворчала она. – Пять минут драгоценного сна украл.

– Не понимаю я, как ты живешь, Настасья. Я уже час назад встал, с Кириллом погулял, зарядку на улице сделал, сейчас я бодр и свеж, а ты дрыхнешь. Ты правда, что ли, еще спала?

– Конечно, правда.

– Ну тогда извини. Ты вполне проснулась? Информацию воспринимаешь?

– Валяй.

Настя приподнялась на локте, улеглась поудобнее и поставила телефонный аппарат себе на грудь.

– Значит, первое. Передача "Свободная рулежка" по четвертому каналу шла 22 октября в 21.15, окончилась в 21.45. Второе. Мать Виктории Ереминой действительно была алкоголичкой, но Вику в дом ребенка отдали не потому, что мать направили на лечение, а потому, что она получила срок по статье сто третьей за умышленное убийство. Правда, по суду ей назначили принудительное лечение от алкоголизма. Умерла она и в самом деле от отравления денатуратом, но не в профилактории, а в колонии строгого режима.

– Почему строгого режима? Это была не первая ее судимость?

– Вторая. Первый раз она отбывала срок за кражу. Вика, кстати, родилась во время первой отсидки. В детдоме уже почти весь персонал поменялся, но одна воспитательница работает там давно. Она утверждает, что Вике не говорили правду, чтобы не травмировать. Хватит с нее и того, что мать больна алкоголизмом. Да и смерть страшная. Теперь третье, самое плохое.

Готова?

– Готова.

– Валентин Петрович Косарь, обладатель широких знакомств в медицинском мире, умер.

– Когда!

– Крепись, Настасья, похоже, мы с тобой вляпались в какое-то болото.

Косарь насмерть сбит машиной. Ни очевидцев, ни информации – ничего. Тело лежало на дороге, обнаружено проезжавшим мимо водителем. Дело находится в производстве в Юго-Западном округе. Деталей пока не знаю, собираюсь сегодня к ним наведаться.

– Подожди, Андрюша, подожди, – Настя болезненно поморщилась и прижала свободную ладонь к виску. – У меня в голове полная каша, ничего не соображаю. Когда погиб Косарь?

– Двадцать пятого октября.

– Мне надо подумать. Ты двигай на Юго-Запад, а я пойду на работу, доложусь Колобку, потом съезжу к Ольшанскому. Встретимся с тобой часа в два. Годится?

– Где?

– Ты, как я понимаю, хочешь днем Кирилла покормить.

– Ну… хотелось бы, конечно.

– В половине второго подбери меня возле метро «Чеховская», поедем к тебе домой, ты покормишь пса, а потом пойдем с ним погуляем. Знаешь, мне кажется, мы с тобой как-то бестолково мечемся, толкаемся в разные двери, сами не понимая, что хотим найти. Хватит скакать, пора сесть и подумать.

Ты согласен?

– Тебе виднее, это про тебя говорят, что ты компьютер, а не про меня.

Я при тебе вроде мальчика на побегушках до сих пор был.

– Ты что? – испугалась Настя. – Ты обижаешься на меня? Андрей, миленький, если я что-то не так сказала…

– Да брось ты, Настасья, тебе уж и слова сказать нельзя. У тебя по утрам чувство юмора долго спит: ты уже проснулась, а оно еще нет. В час тридцать, метро «Чеховская». Привет.

Настя поставила телефон на место и вяло, еле волоча ноги, побрела в ванную. На душе у нее было слякотно. Обнаруженное несколько дней назад «кое-что» с каждым днем вырастало и крепло, и что с ним делать, она не знала.

С каждым днем Виктор Алексеевич Гордеев становился все мрачнее. Его обычно круглое лицо осунулось и посерело, движения становились медленнее, голос – суше. Все чаще, слушая собеседника, он произносил "ну да, ну да", и это означало, что он опять не слушает, что ему говорят, а думает о чем-то своем.

Проводя утреннюю оперативку, он плохо слышал сам себя, вглядываясь в который раз в лица своих подчиненных и думая: "Этот? Или этот? Или вон тот? Кто из них?"

Ему казалось, что он знает, кто из оперативников связан с преступным миром, но верить в это не хотелось. В то же время если это не он, не тот, на кого он думает, значит, кто-то другой, и от этого не легче. Гордеев ко всем относился одинаково, и кто бы ни оказался предателем – будет одинаково больно. Его раздирали противоречивые желания: с одной стороны, ему хотелось поделиться с Каменской своими подозрениями, но, с другой стороны, он считал, что втягивать ее не нужно. Конечно, Настасья умница, наблюдательная, с хорошей памятью и четким мышлением, с ней вместе легче было бы разобраться. И в то же время Виктор Алексеевич знал, как трудно будет ей, скажи он о своих подозрениях, разговаривать с этим человеком, работать с ним, обсуждать любые, даже не служебные вопросы. Кроме того, она может выдать себя и насторожить того, кто пока уверен в своей безопасности.

Во время совещания он не спрашивал Настю о ходе работы по убийству Ереминой. Она поняла правильно и, вернувшись к себе в кабинет, терпеливо ждала вызова начальника. Не прошло и десяти минут, как Гордеев позвонил ей по внутреннему телефону с одним коротким словом: "Зайди".

– Виктор Алексеевич, пусть Миша Доценко побеседует с этим человеком, – Настя протянула Гордееву листок, на котором были записаны координаты Солодовникова и вопросы, требующие как можно более точного ответа. Миша Доценко так искусно умел «работать» с памятью людей, пробуждая ассоциативные связи, что с его помощью порой человек вспоминал до малейших деталей и с точностью до минуты события, давно минувшие. Настя очень надеялась, что Мише удастся установить время, когда Солодовников звонил своему приятелю по институту Борису Карташову. Это поможет более точно очертить временной интервал, в котором раздался тот исчезнувший с кассеты звонок.

– Хорошо. Что еще?

– Еще нужно повторно допросить врача-психиатра, у которого консультировался Карташов. Это я должна сделать сама.

– Почему?

– Потому что я разговаривала с Карташовым, хорошо помню все детали беседы и, чтобы выявить противоречия в показаниях, с врачом должна разговаривать тоже я. Во всяком случае, то, что мне поведал Карташов, довольно сильно отличается от того, что записано в протоколе допроса доктора Масленникова.

– Ты так серьезно подозреваешь этого художника?

– Очень серьезно. К тому же эта версия ничем не хуже других. На проверку двух первых ушли три недели. Я согласна, те две версии были самые трудоемкие. По данным ОВИРа, никто из иностранных клиентов Ереминой в конце октября в Москве не был, за исключением того последнего голландца, но Ольшанский доверяет его алиби. Немотивированные действия в состоянии острого психоза до конца проверить все равно невозможно. Все, что было в наших силах, мы сделали. Остается ждать, что случайно выплывет какая-нибудь информация, но ждать этого можно до самой пенсии. А вот история с болезнью Ереминой

кажется мне подозрительной. Виктор Алексеевич, у меня есть основания думать, что она не была больна и ее украденный сон – сказка про белого бычка.

– А мотив? Если Карташов замешан, то какой мотив?

– Не знаю. Вот и хочу попробовать узнать. Только нам трудно вдвоем с Чернышевым, поэтому дело двигается медленно.

– По-моему, оно у тебя вообще не двигается, – проворчал Колобок. – Все пробуешь, проверяешь, тыкаешься, как слепой котенок, а толку – чуть.

С отделением милиции по месту жительства Ереминой контакт поддерживаешь?

– Ну… в общем… – промямлила Настя.

В отделении милиции розыском пропавшей Ереминой первоначально занимался капитан Морозов, поэтому сотрудничать с группой, расследующей убийство, поручили тоже ему. В первые дни Настя пыталась подключить его к делу, но Морозов довольно популярно объяснил ей, что, кроме этого убийства, совершенного, между прочим, неизвестно где, возможно, в другом районе города и даже в области (а он, Морозов, обязан заниматься только преступлениями, совершенными на его территории), на нем еще восемнадцать краж, два десятка угонов, грабежи, разбои и парочка нераскрытых убийств, по которым ему Петровка не помогает и он крутится сам. Даваемые Настей поручения он выполнял неохотно, спустя рукава, особо не торопился, зато очень ловко прятался от нее, и найти его было очень и очень непросто.

Через три-четыре дня Настя вообще перестала его искать и тащила всю огромную работу на себе и Чернышеве.

Однако жаловаться и ябедничать Каменская не любила, поэтому на вопрос начальника промычала что-то невразумительное.

– Ясно, – коротко хмыкнул Колобок, мгновенно все поняв. – Позвоню в отделение, проведу воспитательную работу. Подключай Морозова, нечего с ним церемониться. Можно подумать, у него нагрузка больше, чем у Чернышева. Послезавтра стажер придет, возьмешь к себе в помощь. И не стесняйся

использовать наших ребят. Только делай это через меня. Поняла? Обязательно через меня. Я как начальник даю поручение – и точка. При этом могу ничего никому не объяснять. А ты ведь не сможешь им не ответить, если они начнут задавать вопросы, верно?

– Верно, не смогу. Подумают, что я строю из себя невесть что.

– Ну да, ну да, – задумчиво покивал полковник, и Настя поняла, что он опять на несколько секунд выключился из разговора.

Настя поднялась из-за стола, аккуратно сложила свои записи.

– Я пойду, Виктор Алексеевич? – полувопросительно сказала она.

– Ну да, ну да, – снова повторил Гордеев и вдруг как-то странно посмотрел на Настю и очень тихо произнес:

– Будь осторожна, Стасенька. Ты у меня одна осталась.

Следователь Ольшанский в противоположность Гордееву был приветлив и улыбчив, но большинство Настиных предложений встречал в штыки. И Настя догадывалась отчего. В первую неделю после возбуждения дела об убийстве Ереминой со следователем работали Миша Доценко и Володя Ларцев. Если к к оценке Константин Михайлович был равнодушен, то Ларцев числился у него в любимчиках, вполне, впрочем, заслуженно. Ольшанского с Ларцевым связывала и личная дружба, они ходили друг к другу в гости, а их жены стали добрыми приятельницами. Когда полтора года назад при родах умерли жена Ларцева и новорожденный ребенок и Володя остался с десятилетней дочкой на руках, именно Ольшанские помогли ему справиться с горем и как-то наладить жизнь.

Но смерть жены изменила не только личную жизнь Ларцева. Она сказалась и на его работе. Володя уже не мог безраздельно отдаваться служебным делам и пахать с утра до глубокой ночи, как это бывало раньше. У него прибавилось забот и головной боли, он стал успевать делать гораздо меньше, потому что в течение дня старался решить кое-какие хозяйственно-магазинные проблемы, заскочить домой проверить, все ли в порядке, вечером пораньше уйти, чтобы проконтролировать дочкины уроки и приготовить ей еду на весь следующий день. Коллеги относились к беде сочувственно и многое Ларцеву прощали, тем

более что его хлопоты отразились в основном на объеме выполняемой работы, но не на ее качестве. Однако Константин Михайлович Ольшанский, принимая близко к сердцу все, что касалось его друга, болезненно воспринимал любой намек на то, что Володя иногда недорабатывает. По-человечески все это можно было понять. Но Насте неприятно было, что в этой ситуации она оказалась "стрелочником".

– Экспертиза пленки еще не готова, – сообщил Ольшанский, как только она переступила порог.

Настя забрала у Карташова не только последнюю кассету, но и две предыдущие, на которых были сообщения, исходящие несомненно от самой Вики, и попросила следователя задать эксперту вопросы о природе непонятной паузы и о том, есть ли на последней кассете запись голоса, идентичного образцам номер четыре, одиннадцать и сорок шесть, отмеченным на двух других кассетах. Если уж не верить Карташову, решила она, то не верить во всем. Стало быть, надо проверять все и опять с самого начала. Услышав, что заключение экспертов еще не готово, она огорченно вздохнула.

– Жалко. Я так надеялась. Но все равно, Константин Михайлович, надо разрабатывать Карташова.

– Согласен, – кивнул Ольшанский. – Есть предложения?

– Есть. В первую очередь надо передопросить подругу Ереминой Колобову и врача-психиатра. Потом еще раз побеседовать с родителями Карташова и вообще со всеми, кто был допрошен в первые дни. – Она чуть было не сказала: "Со всеми, кто был допрошен Ларцевым", но вовремя прикусила язык.

Следователь поморщился.

– Что ты хочешь получить из этих допросов? Ну скажи на милость, какие такие вопросы ты им всем задашь, кроме тех, которые уже были заданы?

"Вопросы-то те же самые, только, подозреваю, ответы будут другие", – мысленно ответила Настя, но снова сдержалась.

– Дело стоит на месте, – продолжал между тем следователь, – ничего нового в нем не появляется, а ты все время пытаешься изобразить видимость работы и переделываешь одно и то же по несколько раз. Где твое хваленое мышление? Уж сколько мне про тебя рассказывали, уж так тебя превозносили, а я что-то не вижу твоих необыкновенных способностей.

Обыкновенный серенький сыщик, таких тысячи. Так что давай-ка начистоту, Каменская. Я сейчас тебе обидные вещи говорил, но они основаны на том, что я вижу. А если я чего-то не вижу, то это уже твоя вина. Я ведь тебя предупреждал, чтобы ты не вздумала темнить. Признавайся, ты что-то от меня утаиваешь?

Терпение у Насти истощилось. "Нет, я не Грета Гарбо, – подумала она.

– В актрисы не гожусь. Я могу быть только самой собой, больше пяти минут притворства не выдерживаю". Она решила сказать правду.

– Константин Михайлович, протоколы первых допросов – явная халтура. Я понимаю, как неприятно вам это слышать, я знаю, что Ларцев ваш близкий друг. Поверьте мне, мы с ним знакомы не один год, я его очень уважаю и отношусь к нему с доверием и теплотой. Но в нынешней ситуации наши с вами эмоции мешают нормальной работе по делу. Давайте признаем, что Ларцев спешил, хотел сделать все побыстрее, а получилась халтура, которую надо за ним переделывать. В результате упущено время, которое можно было бы использовать более толково. Ну что теперь, рвать на себе волосы? Что случилось, то случилось. У Володи трудная жизнь, сделаем ему скидку и постараемся поправить то, что еще можно поправить. Хотя кое-что поправить уже нельзя. Прошу вас, не закрывайте глаза и не делайте вид, что все в порядке. Вы же сами видите, что протоколы допросов сделаны плохо.

Вы опытный следователь, вы просто не можете этого не видеть. Хотите пример?

– Не хочу. Я опытный следователь и сам все вижу. Но я прошу тебя, Анастасия, пусть это пока останется между нами. Не обещаю, что у меня хватит мужества поговорить с Ларцевым, но если уж кто-то должен это сделать, то лучше пусть это буду я. Не жалуйся на него Гордееву, хорошо? Я должен был сам всех допросить, когда увидел эти проклятые протоколы, но я понадеялся на Володьку, черт бы его подрал. Думал, не может быть, чтобы он упустил что-то важное. Ты знаешь, сколько у меня одновременно дел в производстве? Двадцать

семь. Ну куда мне еще повторные допросы проводить!

Ольшанский мгновенно будто состарился. Ослепительная улыбка потухла, в голосе слышалось отчаяние.

– Что же вы так сопротивлялись, стоило мне заговорить о повторных допросах? – негромко спросила Настя. – Вы же понимали, что я права. Репутацию Ларцева берегли?

– А ты что сделала бы на моем месте? Не берегла бы репутацию своего друга? Это только в кино работники правоохранительных органов руководствуются исключительно интересами дела. А мы все живые люди, у нас у всех свои проблемы, семьи, болезни, и, между прочим, простые человеческие чувства. В том числе и любовь. Знаешь, находить проблемы значительно проще, чем их решать. Ладно, Анастасия, давай помиримся и займемся делом. Кто будет допрашивать?

– Чернышев, Морозов и я. Может быть, еще Миша Доценко.

– Морозов? Кто это?

– Из отделения «Перово», на их территории жила Еремина. Он тоже работает с нами.

– Морозов, Морозов… – задумчиво пробормотал следователь. – Где-то я слышал… Погоди, его как зовут? Случаем, не Евгений?

– Да, Евгений.

– Крепкий такой, лицо красное, нос с горбинкой?

– Да, он. Вы его знаете?

– Не то чтобы знаю, пару раз сталкивался. Намучаешься ты с ним.

– Почему?

– Пьет много и ленится. А апломба – выше крыши, дескать, мы тут все баклуши бьем, он один не разгибаясь трудится. Но это характер такой поганый. Вообще-то он весьма неглуп и дело знает хорошо, если делает его, конечно. А то ведь все увильнуть норовит.

– Справлюсь как-нибудь, Константин Михайлович, выбирать-то не из кого. Вы же сами сказали, у нас не кино, а жизнь. Где же взять двадцать толковых оперов, которые разбегутся по команде в разные стороны, а к вечеру прибегут обратно, собрав за один день всю нужную информацию, чтобы у следователя сразу сложилась полная картина. Так не бывает, сами знаете. По крохам собираем, по крупицам, медленно, в час по чайной ложке. А ведь я только этим убийством и занимаюсь, других дел у меня нет. У других-то вон по скольку дел одновременно висит. Так что даже ленивый Морозов – и то подмога. Не стращайте меня.

– Да это я так, к слову…

Выйдя из городской прокуратуры, Настя двинулась к метро. Она испытывала облегчение от того, что поговорила с Ольшанским о Ларцеве и сняла нараставшее напряжение в своих отношениях со следователем. И в то же время ей было грустно. Пожалуй, она не смогла бы сейчас сказать, кого ей жаль больше всего – Ларцева, Ольшанского или саму себя.

В мягких сумерках бара трое мужчин вели неспешную беседу. Один из них пил минеральную воду, двое других – кофе с ликером. Самому молодому из них было за сорок, самому старшему – шестьдесят три, люди солидные, держатся с достоинством. Не курят – здоровье берегут и говорят негромко.

– Как с нашим делом? – спросил средний по возрасту, в дорогом английском костюме, лысоватый дородный мужчина с благородным лицом.

– У меня есть достоверные сведения, что к делу подключается наш человек, так что не волнуйтесь, сбоев больше не будет, – ответил ему маленький пожилой человек с морщинистым лицом и острыми светлыми глазками.

Разумеется, у него были имя и отчество, но его собеседники почему-то никогда ими не пользовались, предпочитая называть старика просто Арсеном.

– Я надеюсь на вас, – вступил в разговор самый молодой участник беседы, коренастый некрасивый мужчина с железными зубами в верхней челюсти.

– Мне бы не хотелось терять людей, они у меня все как на подбор.

– А ты у них вместо дядьки Черномора? – усмехнулся Арсен. – Не бойся, дядя Коля, ничего с твоими молодцами не сделается, если не обнаглеют.

Мужчина с железными зубами улыбнулся. Улыбка у него была странная, вызывающая ассоциации с транспарантной губной помадой: сам столбик помады мог быть лимонно-желтым или ядовито-зеленым, а на губах она вдруг расцветала малиновым или нежно-сиреневым цветом. Казалось, дядя Коля натягивал на лицо улыбку вальяжного и уверенного в себе человека, а сквозь нее проступали недоверие и настороженность.

– И все-таки, – настойчиво встрял мужчина в английском костюме, – каково состояние нашего дела?

– Дело практически не двигается, так что перестаньте дергаться, – презрительно скривил губы Арсен. – Девчонка топчется на одном месте, шаг вперед – два назад. Пусть работает, зарплату свою отрабатывает, к истине она пока даже в первом приближении не подошла.

– А если подойдет?

– А для этого и существует наш человек около нее, чтобы проконтролировать. Как только она сунется туда, куда не надо, ее за руку придержат, а мы об этом тотчас узнаем. Прошел уже почти месяц, и ничего страшного не случилось. Надо продержаться до третьего января. Если до третьего января ничего не накопают, за что можно уцепиться, дело приостановят и сунут в сейф, а тогда уж по нему точно никто ничего делать не будет. У них нагрузка – не дай Бог. Приостановленными делами заниматься времени нет.

– От моих ребят что-нибудь потребуется? – спросил тот, кого назвали дядей Колей.

– Надо будет – скажу. А пока пусть сидят тихо. Не приведи Господь им за что-нибудь в милицию попасть. Особенно этому… как его… который быструю езду любит.

– Славик?

– Вот-вот, он самый. Скажи ему, пусть машину в гараж поставит и ездит на метро. Того и гляди, какому-нибудь гаишнику попадется, дурак безмозглый.

– Я прослежу, – кивнул дядя Коля. – Что еще?

– Больше ничего. Понадобится – сообщу, не постесняюсь.

Арсен кинул взгляд на часы и поднялся. Следом встали и его собеседники. Все трое неторопливо двинулись к выходу. Самый молодой, дядя Коля, сел в неприметные «жигули», "английский костюм" уехал в бежевой «волге», а пожилой худощавый Арсен, зябко поеживаясь в легком плаще, направился к остановке троллейбуса.

Глава четвертая

Что удерживает людей друг подле друга? Что заставляет их быть вместе?

Непреодолимая тяга? Или просто удобство?

Выслушав от Андрея Чернышева рассказ о его беседе с Ольгой Колобовой, в девичестве Агаповой, Настя никак не могла решить, играют ли новые факты на пользу Борису Карташову или же свидетельствуют против него.

Леля Агапова была напарницей Вики Ереминой в ремонте той самой квартиры, которая находилась по соседству с квартирой Карташова. Познакомился Борис с обеими девушками одновременно, причем, цинично рассудив, что ослепительно красивая Вика наверняка прочно «занята», сразу остановил свое внимание на хорошенькой Лелечке. Та была попроще, без особых претензий и какая-то домашняя. У Бориса поначалу даже мелькнула было мысль, а не жениться ли

ему на милой, хозяйственной и не обремененной родственниками детдомовской девочке. Леля не испытывала пристрастия к алкоголю, не курила и вполне могла бы родить ему здоровенького красивенького малыша. Но очень скоро банальная ситуация мезальянса по расчету стала еще более банальным любовным треугольником: в дело вмешалась напористая и уверенная в себе Вика, которой ничего не стоило затащить художника в постель чуть ли не на глазах у подруги. Борис увлекся всерьез, а тихая Лелечка покорно отошла в сторону, привычно уступив первенство более красивой Вике. Все, что Карташов рассказывал о "чашках чая" и "обедах, приготовленных для мужчины", было правдой, но не всей.

Спустя какое-то время Леля Агапова собралась замуж за Васю Колобова, и между ней, Викой и Борисом стало нарастать напряжение. Красивая и удачливая Вика с ума сходила от злости, что Лелька, много лет, еще с детдома, всегда бывшая ее «дублершей», сумела найти мужа раньше ее самой. Леля молча страдала от любви к Борису и отчетливо понимала, что замуж выходит, лишь бы выйти. Сам же Борис ругал себя за глупость и слабость, проклинал тот день, когда позволил грубым инстинктам взять верх над разумом, и собирался с силами, чтобы отговорить Лелю от этого брака любыми путями, потому что видел, что она жениха не любит, и знал, что за всем этим стоит не только отсутствие надежды на брак с ним, Борисом, но и глупое, детское желание хоть раз в жизни, ну хоть в чем-то опередить красавицу Вику. За неделю до свадьбы Леля пришла к Карташову домой и сказала:

– Боря, сделай мне свадебный подарок…

И он сделал ей, своей бывшей любовнице, такой свадебный подарок, о каком она просила: неделю – упоительную и страстную.

– Как бы я хотела, чтобы Вика узнала, – мечтательно говорила Леля, потягиваясь в постели. – Пусть бы ей было так же больно, как мне тогда, когда я вас с ней застала на этом самом диване.

– Не говори глупости, – отмахивался Борис, внутренне холодея. Мужества у него было маловато, и перспектива объяснения с необузданной, темпераментной Викой его не радовала.

И все-таки он даже тогда уговаривал Лелю одуматься и бросить Васю Колобова, пока не поздно.

– А ты на мне женишься? – однажды спросила Леля. – Если ты выгонишь Вику и женишься на мне, я пошлю Ваську ко всем чертям.

Она собиралась на работу и стояла, уже одетая, перед зеркалом, накладывая на скулы румяна.

– Даю тебе день на размышления, – она улыбнулась. – Приду с работы, и ты мне скажешь, «да» или «нет». Если «да» – будь по-твоему, через два дня свадьба не состоится. А уж если «нет» – не обессудь, но чтобы я больше слова худого о Колобове не слышала. Понял, золотко мое?

Чем ближе был конец рабочего дня, тем яснее понимал Борис, что выгнать Вику у него сил недостанет. Одно дело, когда отношения складываются сами, и совсем другое – когда их надо складывать и регулировать сознательно. Что сказать Вике? "Мне было с тобой хорошо целый год, а теперь стало плохо?" Чушь какая-то. Несколько дней назад все было в порядке, а сегодня я женюсь на твоей подруге. Когда ты меня соблазняла, я был не против, потому что ты хороша собой, а по прошествии года я понял, что ты – типичное не то, что с тобой семьи не построишь и детей не заведешь.

Бред. И потом, Леля выходит замуж, ее жизнь устраивается, а отпусти он от себя Вику – что с ней станется с ее-то характером? Нет, что ни говори, только в книжках это бывает просто: бросил одну, сошелся с другой…

В жизни все намного сложнее.

Итак, Вика осталась с Борисом, а Леля поменяла фамилию Агапова на Колобову. Карташов по-своему был привязан к взбалмошной и непостоянной Вике, относясь к ней как к глупому ребенку, за которым нужен глаз да глаз и который, когда не шалит, может подарить удивительно радостные минуты теплоты, доброты и нежности. Борис даже чувствовал себя в чемто ответственным за подружку, постоянно опасался, что она влипнет в какую-нибудь историю, и чуть ли не до слез умилялся, слыша по телефону ее нетрезвый голос: "Боречка, родненький, ты только не волнуйся, я в порядке".

Чем хуже становились отношения между Лелей и ее мужем, тем лучше делались отношения между подругами. Вика постепенно перестала злиться, убедившись, что завидовать нечему, а Леля, в свою очередь, радовалась, что Борис, хоть и не решился жениться на ней, свой союз с Викой тоже в официальные формы не облекает. Периодически, когда Вика пускалась в очередной загул или уезжала куда-нибудь с клиентом, Борис встречался с Лелей, отнюдь не видя в этом ничего предосудительного и утешая себя тем, что оба они были обмануты: Леля – мужем, он – Викой. Так и тянулось до того самого октября, когда Вика исчезла…

– Смотри, какая картинка получается. Колобова готова бросить мужа ради Карташова, но Карташов не может отвязаться от Вики Ереминой, моральных сил не хватает. Со смертью Вики все упрощается, не находишь?

Настя поудобнее уселась на скамейку и достала сигарету. Андрей Чернышев отстегнул поводок от ошейника и, строго сказав собаке: "Далеко не уходи", повернулся к собеседнице.

– Ты думаешь, в убийстве Ереминой замешана Колобова?

– Или она, или Карташов, или оба разом. Сочинили душераздирающую историю о Викиной психической болезни, под которую хотят списать ее исчезновение. А что? Как версия вполне годится. И показания Колобовой о том, что она говорила с Викой в пятницу, 22 октября, поздно вечером, тоже могут оказаться липой. Проверить это никак нельзя, мужа Колобовой в это время дома не было. Непонятно только, где Еремина болталась целую неделю. С 23 по 30 октября ее никто не видел, а убили ее, судя по заключению эксперта, 31 октября или 1 ноября. Надо тщательнейшим образом проверить, где в течение той недели были Карташов и Колобова. Шаг за шагом, буквально по минутам.

– Месяц прошел, – с сомнением покачал головой Андреи. – Кто теперь точно вспомнит, где и когда их видели, о чем с ними разговаривали…

Шансы у нас нулевые.

– Я у Колобка выклянчила Мишу Доценко, он у нас мастер по таким делам. У него и не захочешь – вспомнишь.

– По голове бьет, что ли? – расхохотался Чернышев.

– Ты зря хихикаешь. Ты Мишу в деле не видел. Он специально учился, кучу книжек прочел по проблемам памяти и мнемотехники. Он нам будет очень полезен.

– Ну, дай Бог, – согласился Андрей, – я ведь не против. А почему ты меня про Юго-Западный округ не спрашиваешь?

– А там что-то интересное? – вскинулась Настя.

– К сожалению, ничего. Обычный наезд. Таких с каждым днем становится все больше и больше. Водитель сбивает пешехода и скрывается с места происшествия. Тихий переулок, поздняя ночь, очевидцев нет. Жители близлежащих домов ничего не видели и скрипа тормозов не слышали. Следов торможения на проезжей части не обнаружено, хотя по такой мерзкой погоде их и не найдешь, даже если они есть: воды по щиколотку. На одежде погибшего Косаря найдены микрочастицы краски с автомобиля. Машина, судя по всему, дважды перекрашивалась, сначала она была голубая, потом шоколадно-коричневая, теперь – так называемый "мокрый асфальт". Вот тебе и весь сказ.

По утверждению экспертов, высота удара свидетельствует о том, что автомобиль был скорее всего наш, отечественный, а не иномарка. Больше ничего не известно.

– А сам Косарь? Что он собой представляет?

– Валентин Петрович Косарь, сорока двух лет, образование высшее медицинское, но по специальности проработал всего четыре года, потом устроился редактором в издательство «Медицина». С тех пор так и работал на издательском поприще, подвизался в журнале «Здоровье», в последние годы подался в коммерческую деятельность, организовал издание популярных брошюр по лечебным травам, целительству, экстрасенсорике. Последняя должность – заместитель главного редактора журнала «Хозяюшка», рассчитанного на пенсионеров и домохозяек. Рецепты, советы, сплетни, детективные повести, подробные аннотации телевизионных программ и все в таком же духе.

Женат, двое детей.

– Печально, – вздохнула Настя. – Жалко мужика. Придется нам с тобой восстанавливать цепочку, опираясь на показания Карташова и врача.

– Думаешь, это что-нибудь даст?

– Кто его знает? Но попробовать нужно. Карташов должен был как-то объяснить Косарю, зачем ему нужна консультация психиатра. А Косарь, в свою очередь, предварительно договариваясь с врачом, вполне мог сказать ему, какая у его знакомого проблема. Вдруг Карташов сказал Косарю что-нибудь, хотя бы одно слово, которое не укладывается в легенду о болезни Вики. Сегодня в пять тридцать у меня встреча с этим врачом.

Овчарка по кличке Кирилл, вдоволь насладившись прогулкой, подошла к хозяину и вежливо села у его ног, деликатно положив голову ему на колени.

– Огромный он у тебя, – с уважением сказала Настя. – Его прокормить – никаких денег, наверное, не хватит.

– Это точно, – подтвердил Андрей, почесывая пса за ухом. – Правильное питание для такой собаки стоит бешеных денег.

– Как же ты управляешься?

– С трудом. Видишь, в чем хожу? – он показал на старые джинсы, не первой свежести куртку, поношенные, хотя и тщательно начищенные ботинки.

– Не пью, не курю, по ресторанам не хожу, в общепите не питаюсь, беру из дома бутерброды. Режим жесткой экономии! – Он засмеялся. – Правда, моя Ирина зарабатывает раза в два больше меня. Она меня кормит и одевает, а моя забота – машина и Кирилл.

– Тебе повезло. А что делать тому, у кого нет такой Ирины? Ведь на нашу с тобой зарплату нельзя себе позволить ни машину, ни большую собаку. Так и помрем в нищете. Ладно, пошли трудиться.

Беседа с врачом, у которого консультировался Борис Карташов по поводу Вики, практически ничего нового не принесла, за исключением того, что Настя еще раз убедилась в недобросовестности своего коллеги Володи Ларцева. Еще тогда, когда она впервые читала протокол допроса кандидата медицинских наук Масленникова, ее насторожило, что врач с такой уверенностью поставил диагноз заочно. Насколько ей было известно, врачи никогда этого не делают, особенно психиатры. Если судить по протоколу, доктор Масленников не сомневался в том, что Еремина действительно серьезно больна и нуждается в срочной госпитализации.

– Бог с вами, – замахал руками психиатр, когда Настя спросила его об этом. – Это было бы грубейшей ошибкой. Знаете, мы в таких случаях вертимся, как уж на сковородке, без конца вставляем "может быть", "в некоторых случаях", "очень похоже", "иногда бывает" и так далее, стараемся изо всех сил, только бы не сказать что-нибудь определенное. Чтобы поставить диагноз, нам нужно не менее месяца наблюдать больного, желательно в стационаре, да и тогда, случается, не можем с уверенностью что-то утверждать, а чтобы заочно – нет, увольте. Ни один порядочный врач себе этого не позволит.

– Это ваша подпись?

Настя протянула Масленникову протокол, составленный Ларцевым.

– Моя. Что-то не так?

– Вы читали протокол, прежде чем его подписывать?

– Честно признаться, нет. У меня не было оснований не доверять вашему коллеге. А в чем дело?

– Прочтите, пожалуйста, протокол и скажите, все ли в нем вас устраивает.

Масленников углубился в протокол, написанный мелким неразборчивым почерком Володи Ларцева. Дойдя до середины второй страницы, он раздраженно бросил листы на стол…

– Откуда это взялось? – зло спросил он. – Я говорил совершенно не так. Смотрите, здесь написано: "Ваша знакомая нуждается в неотложной госпитализации, так как находится на грани острого психического заболевания". Якобы я так сказал Карташову. Но ведь на самом деле я говорил Борису, что его знакомую непременно нужно отвести к врачу. Не исключено, что она может оказаться больна, и врач посмотрит, не нуждается ли она в лечении. Однако нужно быть готовым к тому, что, если врач установит у нее начало острого психического заболевания, ей будет предложена неотложная госпитализация. Вы видите разницу? Ваш коллега убрал из моих показаний все сомнения и вообще поставил все с ног на голову. А это? "Такое состояние, как у нее, называется синдромом Кандинского-Клерамбо".

Откуда я могу точно знать, какое у нее состояние?! Я ее в глаза не видел! Я помню, что сказал: "Такие симптомы, о которых вы мне рассказываете, могут быть характерны для синдрома…" Нет, я решительно отказываюсь понимать, как можно было так исказить мои слова!

Масленников рассердился не на шутку. А Настя, снова сказавшаяся в роли «стрелочника», на котором срывают негодование все, кому не лень, почувствовала, что в ней закипает злость на Ларцева. Можно торопиться и сокращать изложение, но нельзя же перевирать показания!

– Давайте запишем ваши показания еще раз, – примирительно сказала она. – Я постараюсь фиксировать все дословно, а вы потом обязательно перечитайте. С чего все началось?

– В октябре ко мне обратился мой бывший однокурсник.

Валентин Косарь и попросил принять для консультации его знакомого Бориса Карташова. Косарь пояснил мне, что Борис обеспокоен состоянием здоровья своей подруги, у которой появились навязчивые идеи о том, что кто-то подсмотрел ее сон и воздействует на нее при помощи радио…

Настя старательно записывала показания доктора Масленникова, с тоской думая о том, что опять вытянула «пустышку». Никаких расхождений в показаниях Карташова и Масленникова ей найти не удалось. Это никоим образом не снимало подозрений с художника, но ниточка, за которую Настя хотела уцепиться, снова выскользнула из пальцев. Ох Ларцев, Ларцев! Ну почему ты не потратил лишний

час на беседу с Колобовой? Почему не обратил внимания на автосекретарь в квартире Карташова? Почему не выяснил, как Карташов нашел доктора Масленникова? Целый месяц потерян впустую. Версия об исчезновении Виктории Ереминой в связи с утратой ориентации на почве психического заболевания потребовала огромных усилий для проверки, а все потому, что ты, Ларцев, сам увлекся этой версией и протоколы составлял "под нее", отмахиваясь от ненужных, на твой взгляд, деталей, на которые у тебя просто не хватило времени. Конечно, не исключено, что именно эта версия правильна, но ведь параллельно с ней можно было проверить и другие, для выдвижения которых как раз и не хватило той информации, которой ты пренебрег. Ты живой человек, у тебя душа постоянно болит за дочку, которая сидит дома одна и постепенно может отбиться от рук, но…

Настя закончила протокол и протянула его Масленникову.

– Прочитайте внимательно. Если хотя бы одно слово вас не устроит, сделаем исправление. После этого подпишите каждую страницу. Можно от вас позвонить?

– Пожалуйста. – Врач пододвинул к ней аппарат. – Через девятку.

Настя набрала номер Ольшанского.

– Это Каменская, добрый вечер. Есть что-нибудь для меня?

– Есть, – послышался в трубке тенорок следователя. – Экспертиза пленки пришла.

– И что в ней? – Сердце ее дало сбой и быстро заколотилось.

– Запись на кассете номер один стерта. Среди других записей на этой же кассете голоса Ереминой нет. Довольна?

– Не знаю. Мне надо подумать.

– Ну, думай, думай. Завтра меня целый день не будет, выезжаю на следственный эксперимент. Если срочно понадоблюсь, найдешь меня через милицию

Северного округа, отделение "Отрадное".

…Из психиатрической больницы номер пятнадцать, где работал доктор Масленников, Настя ехала к себе домой, на Щелковское шоссе. Путь был неблизким, и за долгую дорогу она успела еще раз утвердиться в мысли, что подозрения в адрес Бориса Карташова были далеко не беспочвенными.

Если кому-нибудь, кроме самого Карташова, нужно было уничтожить запись на кассете, он бы просто стер все либо украл эту несчастную кассету. Но Борис, который хранит старые пленки на всякий случай, никогда бы так не поступил. Именно в его стиле было бы стереть одну-единственную запись, именно ту, которая может изобличить его в причастности к убийству Вики Ереминой, сохранив другие "на всякий случай". И Настя была почти уверена, что стертая запись проливала свет на исчезновение девушки.

Отдав Гордееву листок с очередным заданием для Миши Доценко, Настя заперлась у себя в кабинете. Сегодня она решила провести рабочий день не в бегах, а за письменным столом. Пора было привести мысли в порядок, а всю имеющуюся информацию – в какое-то подобие системы.

Она включила кипятильник, достала из стола банку с растворимым кофе и коробку с сахаром, пододвинула поближе пепельницу, разложила несколько листков чистой бумаги, написав на каждом одной ей понятный заголовок, и погрузилась в работу.

Время шло, пепельница наполнялась окурками, листы покрывались фразами, отдельными словами, квадратиками, кружочками и стрелками…

Когда в дверь постучали, Настя решила не открывать. Если она нужна начальнику, он позвонит ей по внутреннему телефону. А разговаривать с коллегами она побаивалась. Ей хотелось избежать ситуации, при которой надо будет смотреть в глаза и мило улыбаться, а про себя думать: "Не ты ли тот, о ком говорил Колобок?"

Но человек за дверью не уходил, продолжая настойчиво стучать. Настя подошла к двери и повернула в замке ключ. На пороге стоял Володя Ларцев.

– Извини, Аська, мне нужно срочно позвонить, а в нашей комнате Коротков висит на телефоне.

Глаза у Ларцева ввалились, он заметно похудел за последний год, лицо посерело. Когда он набирал номер, Настя заметила, что у него дрожат руки.

– Надя? Где ты была?.. У тебя сегодня пять уроков, ты должна была прийти ровно в половине второго… Ах, так, ну ладно… Ты пообедала?..

Почему?.. Только что зашла?.. Какие отметки?.. Молодец… Умница… Почему двойка по географии?.. Контурные карты не принесла?.. Ладно, доченька, переживем, я постараюсь купить, обещаю… К какой подружке?..

Какая Юля? Из твоего класса?.. Из соседнего дома? А как ты с ней познакомилась?.. Во дворе? Когда?.. Надюша, а может, лучше пусть она к нам придет, а? Поиграйте у нас… Ах, на компьютере играть… Тогда конечно.

У Юли есть телефон?.. Не знаешь?.. А как ее фамилия?.. Тоже не знаешь…

Но хотя бы адрес, номер квартиры… Тоже нет? Ладно, давай так договоримся. Ты сейчас пообедай, а я тебе через полчаса еще позвоню, тогда и решим насчет Юли. И не забудь, на окне кастрюля с компотом стоит. Пока!

Ларцев положил трубку и виновато взглянул на Настю.

– Можно еще позвонить?

– Звони. Ты просто цербер, Володька. Почему девочка не может пойти к подружке поиграть на компьютере?

– Потому что я должен точно знать, куда и зачем она уходит и как будет возвращаться назад. В пять часов уже темно. Алло! Екатерина Алексеевна? День добрый, это отец Нади Ларцевой. Извините за беспокойство, вы не знаете случайно в вашем доме семью, где есть девочка Юля примерно одиннадцати лет? Образцовы? А кто они такие?.. Может быть, вы знаете их телефон и номер квартиры?.. Спасибо, спасибо огромное, Екатерина Алексеевна. Еще вопрос: там днем есть кто-нибудь из взрослых?.. Бабушка? А имя?.. Еще раз огромное вам

спасибо. Вы мой ангел-хранитель, что бы я без вас делал! Всего вам доброго!

– Ну ты даешь, – восхитилась Настя. – Твои бы розыскные способности – да на пользу обществу.

И тут же осеклась. Она вовсе не собиралась обсуждать с Ларцевым качество его работы, особенно за последний месяц. Она дала слово Ольшанскому не выяснять отношений с Володей. Кроме того, такое выяснение непременно выведет их на обсуждение деталей расследования убийства Ереминой, а это ей запретил делать Гордеев. Но Ларцев, казалось, даже не заметил ее опрометчивых слов.

– Когда у тебя будет дочка одиннадцати лет, ты меня поймешь. Я каждый божий день вдалбливаю ей в голову прописные, истины насчет незнакомых дяденек и тетенек, и все-таки если она приходит из школы хотя бы на десять минут позже – начинаю умирать от страха. Постоянно талдычу: не перебегай улицу перед машиной, переходи дорогу только там, где есть светофор, сначала посмотри налево, потом направо, автобус обходи сзади, трамвай – спереди. А сам целый день трясусь как осиновый лист, представляю ее под колесами… Ох, Аська, – его голос дрогнул, глаза предательски заблестели, – не дай тебе Бог такую муку каждый день. Хватит с меня жены и малыша, еще одного горя я не перенесу… Можно, я позвоню?

– Ну что ты все спрашиваешь? Можно, конечно.

Познакомившись по телефону с бабушкой девочки Юли, у которой есть компьютер, и взяв с нее клятвенное заверение, что Надюша Ларцева либо будет отправлена домой до наступления темноты, либо ее проводит до квартиры кто-нибудь из взрослых, Володя позвонил дочке и дал ей свое отцовское соизволение на визит к подружке. Настя смотрела на него и думала, что надо быть совсем бессердечным, чтобы упрекать его в плохой работе.

Нет, не повернется у Ольшанского язык поговорить с Ларцевым. И у нее не повернется.

Увидев издалека знакомую рыжую шевелюру, Настя удивилась. Пожалуй, впервые за много лет Леша Чистяков пришел вовремя. Они договорились встретиться в метро, чтобы вместе идти в гости к Настиному отчиму. Леонид Петрович, выполняя обещание, собирался познакомить Настю с женщиной,

которая скрашивала ему соломенное вдовство.

Сама Настя ни разу в жизни никуда не опоздала. Она была ленива и медлительна, быструю ходьбу не любила, а о том, чтобы бежать вдогонку за автобусом, и помыслить не могла. Здоровье у нее было не очень крепкое, и порой в духоте и давке ей становилось так худо, что приходилось выходить из автобуса или вагона метро, не доезжая до нужной остановки, и отсиживаться на скамейке, поднося к лицу ампулу с нашатырем, которую она всегда носила в сумке. Учитывая свои слабости, Настя планировала маршруты передвижения с большим запасом времени и обычно приходила раньше намеченного срока. А вот о ее друге Леше Чистякове сказать этого было нельзя. Талантливый математик, ставший в тридцать лет доктором наук, он был по-профессорски рассеян и забывчив, чем порой доводил Настю до исступления, путая вторник со вторым числом, а Бибирево с Бирюлевом.

– Ты меня сразил наповал, – сказала Настя, целуя его в щеку. – Почему ты не опоздал, как водится?

– Несчастный случай. Больше не повторится.

Чистяков шутливо подергал ее за ухо и, взяв под руку, быстро повел к эскалатору.

– Что-то ты грустная, старушка. Случилось что-нибудь? – спросил он, когда они шли темными задворками от метро к дому, где жили Настины родители.

– Напрягаюсь, – коротко ответила Настя.

– Из-за чего? Из-за этой женщины?

– Угу.

– Ты же сама просила вас познакомить.

– Оно конечно, но все-таки… Нервничаю, даже не знаю, отчего. Вдруг она мне понравится?

– И что в этом плохого?

– А как же мама? Мне тогда придется как-то выравнивать свое отношение между ней и этой дамой.

– Ну ты загнула, Аська. А если она тебе не понравится, тебе придется пересматривать свое отношение к Лене, так, что ли?

– Именно. И вообще, ситуация какая-то… Двусмысленная.

Может, зря я это затеяла?

– Раз затеяла, значит, не зря. Ты же у меня умница, ничего зря не делаешь. Перестань дергаться.

– Не утешай меня, Лешик. У меня внутри все дрожит. Давай остановимся, я покурю.

– Слушай, ты повзрослеешь когда-нибудь или нет? Ведешь себя, как маленькая девочка: плохая – хорошая, нравится – не нравится.

Они остановились у подъезда родительского дома. Настя уселась на скамейку и вытащила из сумки сигареты. Сделав глубокую затяжку, она взяла Лешину руку и прижала к своей щеке.

– Лешик, я дура, да? Ну, вразуми меня, скажи что-нибудь умное, чтобы я успокоилась. Мне так стыдно, словно я маму предаю.

Леша сел рядом с ней, ласково обнял за плечи.

– Ты действительно еще ребенок, Аська. Тебе тридцать три года, а ты так и не представляешь себе, что такое семья и супружеская жизнь.

– А ты представляешь? Тоже мне, специалист по брачносемейным делам.

Ты же заплесневелый холостяк.

– Я – другое дело. Я до сих пор живу с родителями и наблюдаю их отношения каждый день. А ты уже давно живешь одна, и забыла, что это такое – ежедневно на протяжении многих лет делить с кем-то жилье и бытовые проблемы. И, между прочим, постель. Так что перестань маяться заранее. Докуривай быстрее, и пойдем.

– Лешик, знаешь, о чем я подумала?

– Если бы ты тогда аборт не сделала, нашему ребенку было бы сейчас уже тринадцать лет.

– Как ты догадался?

– А я сам об этом сейчас подумал. И потом, Асенька, мы с тобой знакомы почти двадцать лет. Я научился твои мысли читать.

– Да? Тогда читай дальше.

– Ты подумала, что если бы ты оставила ребенка и вышла бы за меня замуж, то сейчас ты не мучилась бы вопросом о том, насколько этично тебе знакомиться и сидеть за одним столом с любовницей отчима при том, что он все-таки остается мужем твоей матери. Тебе было бы просто не до этого. А может быть, и отношение к проблеме было бы иным. Правильно?

– Леша, хочешь, правду скажу?

– Говори свою правду, и пойдем, я окоченел здесь дожидаться, пока ты перестанешь нервничать.

Он встал со скамейки и потянул Настю за руку. Та медленно поднялась.

– Ну, где обещанная правда? – спросил он с улыбкой.

– Я очень тебя люблю. Но иногда ты меня пугаешь.

– Врешь ты все, – тихо ответил Леша и осторожно погладил ее по щеке.

– Если бы ты меня любила, то не держала бы на холодной улице, когда нас ждут знаменитые папины цыплята. А человек, способный тебя напугать, еще на свет не родился.

Настя прислушалась к ровному дыханию Леши. "Кажется, заснул, – подумала она. – Ну почему природа так неравномерно распределяет свои милости? Одни досчитают до десяти и тут же засыпают. А другие, вроде меня, без снотворного могут пролежать до рассвета с открытыми глазами".

Она встала с постели, накинула теплый махровый халат и на цыпочках вышла на кухню. В квартире было холодно, несмотря на то, что отопление работало вовсю, потому что щели в оконных рамах, а также между балконной дверью и косяком были огромными. Приводить их в порядок было некому, а затыкать ватой или поролоном Настя, по обыкновению, ленилась. Она зажгла на плите все четыре конфорки, и через несколько минут кухня наполнилась удушливым теплом.

Настя перебирала в памяти события прошедшего вечера.

Леша прав, не надо смешивать отношения отцов и детей с отношениями родителей с другими людьми. Напряжение, сковавшее Настю перед дверью родительской квартиры, постепенно прошло, подруга Леонида Петровича оказалась симпатичной и славной женщиной, совсем не похожей на мать, Надежду Ростиславовну. Лешка изо всех сил старался быть остроумным и галантным, и это ему вполне удалось. Во всяком случае, новую знакомую он совершенно очаровал. Отчим, казалось, был всем доволен, кормил их восхитительными цыплятами «табака», никаких вольностей и панибратства по отношению к своей гостье не допускал, и под конец Настю «отпустило». Но неясное чувство вины перед матерью продолжало давать о себе знать и сейчас.

Она нерешительно сняла телефонную трубку и набрала длинный код и номер телефона в далекой Швеции, где было еще не так поздно, как в Москве.

– Настя? Что случилось? – встревоженно спросила Надежда Ростиславовна.

– Ничего не случилось. Просто ты давно не звонила.

– У тебя все в порядке? – продолжала настойчиво спрашивать мать: уж очень необычным было то, что дочь сама позвонила ей, да еще в такой час.

– У меня все хорошо, мама, не волнуйся. Я в полном порядке.

– А отец?

– Он тоже. Мы с Лешкой сегодня были у него. Он кормил нас потрясающими цыплятами.

– Ты меня не обманываешь? У вас точно все в порядке?

– Точно. Неужели должно непременно что-то случиться, чтобы мы друг другу позвонили? Просто я соскучилась.

– Я тоже скучаю по тебе, доченька. Как у тебя на работе?

– Как всегда. Двенадцатого декабря лечу в Рим с делегацией наших милиционеров.

– Да что ты! – радостно воскликнула мать. – Как здорово!

Поздравляю. Когда, ты говоришь, улетаешь?

– Двенадцатого. Девятнадцатого возвращаюсь.

– Что же ты раньше не сказала? – В голосе Надежды Ростиславовны послышалось огорчение. – Вряд ли я успею сделать визу, но я попробую. С четырнадцатого по семнадцатое во Франции будет симпозиум лингвистов, мое выступление запланировано на пятнадцатое, и если я успею обернуться с визой, то встречу тебя в Риме. Где тебя искать?

– Не знаю. А тебя?

– Тоже не знаю, – рассмеялась мать. – Сделаем так. Если у меня все получится, встречаемся шестнадцатого в семь вечера на площади у собора Святого Петра. Площадь круглая, большая, хорошо просматривается. Не потеряешься. Договорились?

Настя несколько оторопела от материнского напора.

– Но, мама, я же не одна еду, а с группой сотрудников. Откуда мне знать, какой у нас будет распорядок. Вдруг именно шестнадцатого я не смогу оторваться?

– Глупости, – решительно перебила ее мать. – Я буду ждать тебя до восьми часов. Если не придешь, встречаемся на следующий день, и так далее. Я постараюсь все организовать и буду ждать тебя, доченька, ты слышишь?

– Хорошо, мама, – Настя судорожно сглотнула, стараясь скрыть от матери, что по щекам ее градом текут слезы. – Я обязательно приду.

– В каком состоянии у тебя язык? – строго спросила мать. – Ты хоть что-то еще помнишь или уже все напрочь забыла?

– Не волнуйся, там можно вполне обойтись английским.

– Нет, детка, так не годится. Дай мне слово, что подтянешь итальянский. В детстве ты прекрасно знала язык.

– Мама, мое детство давно кончилось. Я работаю с утра до вечера и не уверена, что найду время для занятий. Не сердись, пожалуйста.

– Я и не сержусь, – Настя была уверена, что мать улыбается, произнося эти слова. – Я горжусь тобой, Настюша. И не смей плакать. Думаешь, я не слышу, как ты носом хлюпаешь? Иди спать и не разоряй свой скудный бюджет глупыми переживаниями. Запомни, каждый вечер в семь часов, у собора Святого Петра. Отца поцелуй, Лешу тоже.

Настя медленно опустила трубку на рычаг и только тут заметила Лешу, неподвижно стоящего на пороге кухни.

– Ну? Успокоилась? – с усмешкой спросил он. – Убедилась, что мать тебя по-прежнему любит?

– Я тебя разбудила? – виновато пробормотала она. – Извини.

– Господи, какой ты, в сущности, еще ребенок, – вздохнул Чистяков.

Они просидели на теплой кухне еще полчаса, пока Настя окончательно не успокоилась.

Глава пятая

Сидя на утреннем совещании у Гордеева, Настя исподволь разглядывала своих товарищей по работе, снова и снова возвращаясь к мысли: который из них? Одних она знала лучше, других – хуже, но ни в ком не подозревала обманщика и предателя.

Миша Доценко. Самый молодой из гордеевских сыщиков, высокий, черноглазый. Иногда бывает умопомрачительно наивен и трогателен, а иногда поражает трезвостью ума и профессиональной хваткой. Всегда элегантно одет, с иголочки, начищен, наглажен. Наверное, на одежду уходит вся его зарплата. Но разве это порок – хорошо одеваться? На чем можно Мишу зацепить?

На деньгах? Да, наверное. Или на женщине. Хотя он холостяк, так что шантажировать его нечем, разве что ее; если она замужем.

Юра Коротков. Живет с женой, сыном и парализованной после инсульта тещей в крохотной двухкомнатной квартирке. Много лет стоял в очереди на жилье, да так и не достоялся. Теперь государственное строительство свернуто, а на то, чтобы купить квартиру, милицейской зарплаты не хватит никогда. Настя очень дружна с ним, всегда в курсе его амурных дел, маленьких побед и маленьких трагедий. Коротков плачется ей в жилетку, а она его утешает и дает мудрые советы, которые в основном сводятся к тому, чтобы, не дай Бог, не причинить вреда семье. Последние полтора года у Юры стабильный роман с женщиной, которая проходила свидетельницей по делу об убийстве. Влюбчивый, быстро загорающийся и мгновенно остывающий, он побил собственный рекорд постоянства в этом романе. У его возлюбленной росли двое сыновей, и Юра твердо решил дождаться, пока дети вырастут, и жениться на ней. Нужны ли ему деньги? Нужны, и много. Значит ли это, что он пойдет на предательство?

Коля Селуянов, один из самых опытных сотрудников в их отделе, шутник, балагур, любитель розыгрышей, подчас грубоватых. Но моментально может перестроиться, стать серьезным, кинуться на помощь, чего бы ему это ни стоило. Коля разведен, жена не выдержала его несносного характера в сочетании с ненормированным рабочим днем, забрала детей и уехала с новым мужем в Воронеж. Настя знала, что иногда, нахально обманывая начальство и делая вид, что работает, Коля летал в Воронеж, чтобы провести с детьми несколько часов и в тот же вечер вернуться обратно. После каждой такой поездки он напивался в доску и два-три дня ходил смурной и подавленный.

Он? А вдруг эти его отлучки связаны с выполнением чьих-то заданий, а вовсе не с желанием навестить детей?

Игорь Лесников, признанный красавец, по которому сохнут все молодые женщины Петровки, 38. В отличие от Селуянова, смешливого и распахнутого навстречу любому, Игорь редко улыбается, замкнут и всегда очень серьезен, даже нелюдим. Настя совсем ничего не знала о его семейной жизни, кроме того, что женат он во второй раз и недавно стал отцом. Не он ли – темная лошадка? Его можно было бы взять на честолюбии, на продвижении по служебной лестнице…

Ее невеселые размышления были прерваны начальником.

– Каменская, я к тебе обращаюсь. Проснись.

– Слушаю вас, Виктор Алексеевич, – вздрогнула Настя.

– Подключай к работе стажера Мещеринова, будешь его наставником. С сегодняшнего дня он поступает в твое распоряжение.

Из противоположного угла комнаты Насте улыбался плечистый светловолосый слушатель Московской школы.

После совещания Настя привела Мещеринова в свой кабинет.

– Занимайте свободный стол, Олег, это будет ваше место на ближайший месяц. Меня можете называть просто Настей.

– А как вы будете меня учить? Как в школе?

Настя неопределенно пожала плечами.

– Я не очень хорошо представляю себе, как учат в вашей школе. Не исключено, что вам не понравится мой метод. Тогда попроситесь к кому-нибудь другому. Для начала проверим, умеете ли вы мыслить в двоичной системе.

– Это как? – нахмурился стажер.

– Я задумываю слово. Ну, например, фамилию всемирно известного киноактера и режиссера. Ваша задача – отгадать, кто что. Вы имеете право задавать мне любые вопросы, но с одним ограничением: вопросы должны быть сформулированы в виде альтернативы, охватывающей все возможные варианты, чтобы я не могла вам ответить "ни то ни другое". Например, вы можете начать с вопроса: "Это мужчина или женщина?" Третьего варианта быть не может. Идея ясна?

– Вроде бы, – неуверенно кивнул Олег.

– Тогда начинайте.

– Это мужчина или женщина?

– Мужчина.

– Его фамилия начинается на гласный или на согласный?

– Хорошо, – похвалила Настя. – На согласный.

Но похвала оказалась преждевременной. Над третьим вопросом Мещеринов задумался надолго. Настя не подгоняла его, молча разбирая за своим столом многочисленные записи и заметки.

– Я не знаю, что дальше, – сказал он наконец.

– Думайте, – не поднимая головы, ответила Настя.

– Но я не понимаю, зачем это нужно. Глупость какая-то. Я думал, вы мне про оперативные комбинации будете рассказывать или поручите что-нибудь…

– Поручу. Может быть. Но сначала мне надо убедиться, что вы умеете соображать. Не обязательно это делать быстро, я и сама медленно думаю.

Усвойте первый урок: когда вы на работе, вы не можете выбирать задачи, которые вам нравятся, и отказываться от решения тех, которые вам не по вкусу. Вы должны быть готовы решать любую логическую задачу, которая возникнет в процессе раскрытия дела. Никто другой за вас этого не сделает. А если вы думаете, что работа сыщика – это только засады и задержания, то мне придется вас разочаровать. Все это бывает уже потом, ближе к концу. А когда перед вами труп человека, неизвестно кем и неизвестно почему убитого, вам ничего и не остается, кроме как напряженно думать, кто и почему мог его убить и как это выяснить и проверить. Так что будьте любезны, придумывайте вопросы до тех пор, пока не решите задачу, тренируйте мышление, а заодно терпение и упорство.

Стажер, нахмурившись, отвернулся к окну. В кабинет заглянул Миша Доценко с дымящейся кружкой в руках.

– Анастасия Павловна, можно я у вас тихонько посижу?

К Лесникову человек пришел, им надо наедине побеседовать, а я только-только чай вскипятил…

– Заходите, Мишенька.

Миша был единственным сыщиком отдела, к которому Настя обращалась на «вы». Это не было признаком особого уважения к старшему лейтенанту Доценко. Просто сам Михаил боготворил Настю, считал ее невероятно умной и называл не иначе как по имени-отчеству. Коля Селуянов даже поговаривал в шутку, что юный симпатяга старлей тайно влюблен в суровую, хладнокровную Каменскую. Конечно же, это было не так, но тем не менее в ответ на "Анастасию Павловну" ей ничего не оставалось, кроме как говорить Мише «вы», дабы соблюсти равновесие и не впадать в менторский тон.

Она быстрым движением убрала со стола записи, памятуя о наставлениях Гордеева и его категорическом требовании ни с кем из сотрудников отдела не обсуждать ход раскрытия убийства Ереминой. Она мирно болтала со своим коллегой о всяких пустяках, жаловалась на то, что старые сапоги протекают, а новые при таком количестве воды и грязи под ногами быстро приобретут нетоварный вид, сетовала на то, что прошли времена, когда в магазинах продавались разноцветные резиновые сапожки, которые сейчас очень бы пригодились, короче, "забивала эфир", чтобы не дать Доценко возможности заговорить о служебных делах.

Через какое-то время Миша ушел, а стажер все сидел молча, так и не придумав третий вопрос. Наконец, он отвернулся от окна и произнес:

– Этот актер родился в Западном полушарии или в Восточном?

"Слава Богу, сдвинулся с места, – с облегчением подумала Настя, которая уже начала было сомневаться в правильности своего выбора, – теперь дело пойдет быстрее".

Дело и вправду пошло легче, и уже через полтора часа мучительных усилий Олег Мещеринов добрался до Чарльза Спенсера Чаплина.

– Переходим на второй уровень сложности. Возьмите бумагу и ручку и записывайте…

Настя продиктовала ему описание довольно обычной ситуации обнаружения трупа в общественном месте.

– Используя двоичный принцип, составьте мне полный перечень версий.

Начать можно с альтернативы "убийца с потерпевшим знаком или не знаком".

Версия "не знаком" распадается на следующие альтернативы: "убийца случайный или заказной", ну и так далее. Понятно? В итоге у вас должна получиться схема, где каждый квадратик, кроме самых последних, делится еще на два. Это вам задание на дом. А сейчас поедем искать и опрашивать вот этих людей.

Настя сунула в сумку длинный список друзей и знакомых Бориса Карташова с указанием их адресов и мест работы. Многие фамилии были помечены крестиком, это означало, что с ними уже побеседовали. Но все равно оставалось еще немало…

Василий Колобов, невысокий, субтильный, со смазливой физиономией и хитрыми глазками, отвечал на вопросы неохотно.

– Какие отношения были у вашей жены Ольги с Викторией Ереминой и ее другом Борисом Карташовым?

– Какие, какие… – пробурчал он. – Нормальные. С Викой они иногда цапались, а с Борькой вроде нет.

– Из-за чего ссорились Ольга и Вика?

– Да кто ж их разберет? Бабы…

– Ольга вам рассказывала о том, что Вика заболела?

– Говорила.

– Припомните, что именно она говорила, как можно точнее.

– Что говорила? Так уж времени сколько прошло, точно я не вспомню.

Вроде крыша у нее поехала, что-то насчет снов… Нет, не помню.

– Постарайтесь вспомнить, когда вы в последний раз видели Еремину или разговаривали с ней.

– Не помню. Давно. Еще тепло было, наверное, в сентябре или в начале октября.

– А как вы запомнили, что было тепло?

– На ней шикарный костюм был. Она пришла к Лельке, а я как раз уходить собрался, в прихожей и столкнулись. Вика была без плаща, в одном костюме, значит, тепло было.

– Может быть, ее привезли на машине, потому она была без плаща?

– Может быть, – Колобов неопределенно хмыкнул. – С этой шлюхой все может быть.

– Вы назвали Еремину шлюхой. Вы не одобряли ее поведение?

– Да мне-то какое дело? Лишь бы не мешала.

– А Еремина вам мешала?

– С чего вы взяли?

– И все-таки, как вы лично относились к ней?

Опять неопределенное хмыканье и пожимание плечами. Нет, Василий Колобов явно не был тем свидетелем, о каком можно только мечтать. Работал он продавцом в круглосуточном коммерческом киоске на Савеловском вокзале, сутки трудился – сутки отдыхал.

– Скажите, Вика никогда не приходила к вам на вокзал?

Вопрос этот Колобову явно не понравился. Ухмылка исчезла, он набычился и стал отвечать сквозь зубы.

– А чего ей там делать?

– Я не спрашиваю вас, что ей там было нужно, я спрашиваю, не видели ли вы когда-нибудь Викторию Еремину на Савеловском вокзале. И если видели, то когда, с кем она была, подходила ли к вашему киоску и что при этом говорила. Вопрос понятен?

– Не было ее там. Ни разу не видел.

– А вы никогда не приходили к ней на работу?

– Зачем? Чего я там забыл? Я и знать не знаю, где она работала.

И так без конца – "не знаю, не помню, не был, не видел… ".

– Когда вы узнали, что Еремина исчезла?

– Лелька сказала… в конце октября, что ли. Вроде того.

– Что конкретно она вам сказала?

– Что Борька Вику разыскивает, она на работу не ходит и дома ее нет.

– В тот период ваша жена никуда не уезжала из дома? В другой город или просто к подруге на несколько дней?

– Вроде нет.

– Вроде? Вы обычно бываете в курсе, где находится Ольга?

– Обычно – нет. Меня сутками дома не бывает. Я через день работаю, так что…

– А в те дни, когда вы не работаете?

– Тоже дома не сижу. И Ольгу не проверяю. Главное – чтобы в доме было чисто и еда приготовлена. Остальное – не мое дело.

– Она же ваша жена. Неужели вам безразлично, где она бывает и что делает?

– Почему безразлично?

– Вы, по-моему, сами так сказали.

– А по-моему, я так не говорил.

– Вы сами в конце октября никуда не уезжали?

– Нет.

– Все время работали через сутки?

– Все время.

– Придется съездить на вокзал, поспрашивать у местной торговой публики об этом Колобове, – задумчиво сказала Настя. – Что-то он задергался, когда его спросили, не видел ли он Вику на вокзале. Один человек едет на Савеловский, другой – к Ольге Колобовой. Быстренько.

– Да сколько же можно! – жалобно причитала Колобова, прехорошенькая пухленькая блондинка с огромными серыми глазищами, пышным бюстом и изящными ногами. Пытаясь создать видимость тонкой талии и стройных бедер, она носила слишком узкие джинсы и слишком свободный пуловер. Даже разговаривая с представителями уголовного розыска, она не потрудилась вынуть изо рта жевательную резинку, из-за чего ее речь, и без того медленная, с тягучими гласными, казалась одновременно и детской, и жеманной.

– Вы уже в который раз меня допрашиваете.

– Я вас не допрашиваю. Мы просто побеседуем. Скажите, Ольга, почему вы бросили работу и сидите дома?

– Вася настоял. Ему домработница нужна, а не жена. А мне так даже лучше дома быть, чем стены штукатурить.

– И вам не скучно?

– Не-а, не скучно. Наоборот, хорошо. У меня раньше никогда своего дома не было, сначала детдом, интернат, потом общага, зато теперь я целый день убираюсь, полы намываю, пыль протираю, ванну надраиваю. Готовлю тоже с удовольствием.

– Для чего же так стараться, если муж работает через сутки, а в свободные дни тоже дома не сидит?

– Для себя стараюсь. Я прямо балдею от этого. Вам не понять.

– А готовите для кого? Тоже для себя?

– Тоже. Хватит с меня детдомовской баланды. И потом, Василий любит гостей приводить, и всегда без предупреждения, прямо как будто нарочно делает. Если в доме накормить нечем – скандал. Так что я постоянно нахожусь в боевой готовности.

– Бывает, что он приводит гостей, а вас нет дома?

– Часто бывает. Я же не пришпиленная к этой хате, а он заранее не говорит, когда придет и с кем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleksandra-marinina/ukradennyy-son

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить